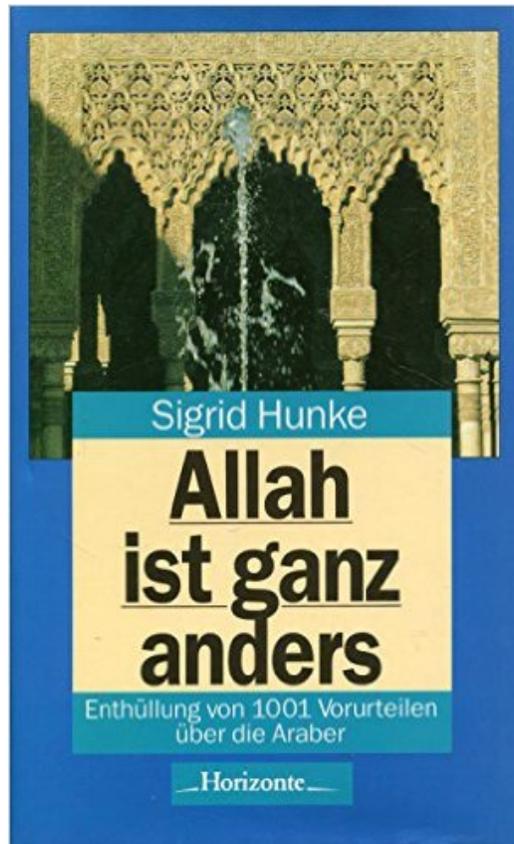


Зигрид Хунке

АЛЛАХ СОВСЕМ ДРУГОЙ

Разоблачение тысяча и одного предубеждения об арабах



Издательство Хорицонте, первое издание – 1990 г.

Сокращенный перевод с немецкого: Виталий Крюков, Киев, Украина, 2016.

Оригинал: Sigrid Hunke, Allah ist ganz anders. Enthüllung von 1001 Vorurteilen über Araber.

О книге: Должна быть какая-то особенная причина, из-за которой средневековые предубеждения об исламе и арабах еще сегодня неизменно блокируют объективное знание об их духовном мире, их религии, их истории и культуры, и из-

за которой в знаниях широкой общественности вплоть до наших дней доминируют неустраняемые, на первый взгляд, искажения истории. Тупое презрение к так называемым «овцепасам» и сидящим на толстых швейцарских счетах «нефтяным шейхам», предупреждение о «все еще агрессивном исламе» со времен Карла Мартелла, негодование из-за «угнетения женщин», «бессмысленного уничтожения варварами греческого знания человечества», религиозной «нетерпимости ислама» принадлежат к традиционному, уже много веков фальсифицирующему реальность образу врага.

В действительности можно определить центр тяжести, в котором обычный по отношению к «неверующим», «язычникам» средневековый образ врага – в этом случае арабов – внезапно превращается в травматически умышленно искаженный продукт ненависти. И в то время как всякое объективное познание заблокировано, их научные достижения присваиваются другими или даже приписываются вымышленным «западноевропейским» фантомным именам.

Насколько актуально и необходимо устранить отравляющие сознание предубеждения об исламе и его истории, доказывает новая волна пропаганды, которая поднимается в Германии против него. Поэтому задача этой книги – не только исправить эти многочисленные предубеждения, но и показать, как они могли возникнуть. Прежде всего, нужно объяснить, кто был виновен в роковой травме. Так как только если «пациент» поймет причину своей «болезни», своей «арабской травмы», он справится с ней. И только на этой основе становится возможным плодотворный обмен между двумя великими культурами.



Об авторе: *д-р Зигрид Хунке*, (родилась 26 апреля 1913 в Киле; умерла 15 июня 1999 в Гамбурге) – немецкий религиовед, германист и представительница унитарного неоязычества. Зигрид Хунке, дочь Генриха Хунке (1879-1953), владельца издательства «Вальтер Г. Мюлау Ферлаг», изучала сравнительное религиоведение, философию, психологию и журналистику, в том числе у Мартина Хайдеггера и Эдуарда Шпрангера. Хунке была одним из ключевых руководителей Национал-социалистического студенческого союза (NSDStB) сначала на локальном уровне, а с 1938 года в Берлинском областном руководстве этой организации, а 1 мая 1937 года она стала членом НСДАП.

В университете Фридриха-Вильгельма в Берлине (ныне Университет им. Гумбольдта) она в 1941 году получила ученую степень доктора (по российским

стандартам – кандидата наук) у влиятельного теоретика расологии Третьего Рейха Людвиг Фердинанда Клауса за диссертацию о происхождении и воздействии чужих образцов на немецкого человека. С 1940 по 1941 она вместе со своей сестрой Вальтрауд Хунке работала в Германском научном управлении СС; она получала стипендию от «Аненэрбе» («Наследие предков») СС и публиковала свои статьи в их журнале «Германия».

Д-р Хунке отвергала христианство как «гетерогенное» и «ближневосточное» или «еврейское» учение, она искала собственно европейские образцы мировоззрения и обращалась к германской мистике. После брака с дипломатом Петером Х. Шульце, в то время сотрудником генерального консульства в Танжере, она два года прожила в Танжере (Марокко). В конце концов, Хунке как свободная писательница жила в Бонне. Самым известным ее трудом была книга «Солнце Аллаха над Западом», появившаяся в 1960 году и переведенная на множество языков. Высший совет по исламским делам в Каире, членом которого была д-р Хунке, высоко оценил эту книгу. Ее наградили египетским орденом за заслуги.

В 1950-е годы она присоединилась к религиозной общине Немецких Унитариев, и была их вице-президентом с 1971 по 1983 годы. Позже она также была почетным председателем Немецких Унитариев. Затем Хунке покинула их, посчитав их идеи слишком «левыми», и стала членом Союза Немецких Унитариев – религиозной общины европейского духа (BDU), который откололся в 1989 от Немецких Унитариев и издает журнал «Вера и Деятельность».

В 1981 году Хунке была награждена памятной медалью Канта, в 1985 получила премию имени Шиллера, а в 1988 году была награждена высшим египетским орденом «За заслуги» в области науки и культуры.

С 1986 года Хунке была постоянной сотрудницей «Семинара Туле». По данным Феликса Видемана, она являлась также и членом этого «ультраправого» объединения. Она публиковалась также в «Элементах Метapolитики», журнале «Семинара Туле». Кроме того, до своей смерти она была председателем попечительского совета общества «Зигрид Хунке».

Ее многочисленные книги концентрировались главным образом на двух тематиках: европейской культурной истории и духовной истории и европейско-арабских культурных взаимосвязях. Итог дела ее жизни в первой тематической области содержится в книге *«От заката Запада к подъему Европы – изменение сознания и перспективы на будущее»* (издательство «Горизонты», 1989). Общий тираж ее новаторского произведения о европейско-арабских культурных взаимодействиях *«Солнце Аллаха над Западом – наше арабское наследие»* к

началу 1990-х годов достиг миллиона экземпляров. В своей последней небольшой работе «Аллах совсем другой» Хунке пыталась очистить наше мышление от многочисленных шовинистических предрассудков, искажений истории и намеренных фальсификаций и объясняла причины действующей еще сегодня «арабской драмы», из которой исходят такие предубеждения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

или: Почему эта книга необходима

Предубеждения зарывают действительность

ГЛАВА I

«Магометане»

Черно-белое изображение

Призыв против «врагов бога»

Культивирование ненависти

Арабская травма Запада

ГЛАВА II

Немецкое и арабское рыцарское благородство посрамляет христианскую нетерпимость

Различное представление христианства и ислама о самих себе

Облик человека в исламе: Грешник? – Раб божий? – Фаталист? – Джихад?

Распространение ислама «огнем и мечом»?

Ислам – соперник церкви

ГЛАВА III

Карл Мартелл – «спаситель Европы»?

Контраргумент: Арабская Испания

Пересечение арабско-андалузской границы

ГЛАВА IV

Угнетение женщины в исламе

Отчуждение паранджой и гаремом

«Ислам» в любви

Самоосвобождение арабских женщин от чужого проникновения

ГЛАВА V

Сожжение Александрийской библиотеки

«Ищите знание – даже если оно исходит от неверных»

«Передавшие наследие греков»

Они не способствовали «теоретическим знаниям»?

Арабское наследие между свободой и тюрьмой

Плагиат – присвоение арабской интеллектуальной собственности

ГЛАВА VI

Упадок культуры вследствие иностранного влияния. Турки

Не все исламское – арабское. Персы

Изоляция или партнерство между Востоком и Западом?

Маленький принц и космос

Недостаточное самоуважение усиливает враждебность к «Западу»

«Арабская» травма мобилизует снова

ПРЕДИСЛОВИЕ

или: Почему эта книга необходима

Предубеждения зарывают действительность

«Это предвзятые мнения, которые настолько осложняют народам понимать друг друга, и которые настолько же облегчают им друг друга презирать». Эти слова Романа Роллана особо метко характеризуют отношение христианского Запада к

арабскому исламскому миру. В сравнении с любыми другими народами понимание Западом арабского духа и культуры так сильно нарушено, отношение к арабскому миру уже много веков так тяжело обременено и искажено «предвзятыми мнениями». Даже к другим, живущим дальше, чуждым нам народам, также тем, кто исповедует другие религии, мы проявляем не настолько осложненное отношение, чем к арабским исламским или обращенным в ислам народам.

В чем причина этого? Должна быть какая-то особенная причина, из-за которой средневековые предубеждения об исламе и арабах еще сегодня неизменно блокируют объективное знание об их духовном мире, их религии, их истории и культуры, и из-за которой в знаниях широкой общественности вплоть до наших дней доминируют неустраняемые, на первый взгляд, искажения истории.

Также попытки автора этих строк в *«Солнце Аллаха над Западом»* в 1960 году и в *«Верблюдах на императорской мантии»* в 1976 году пролить свет на значительные арабские достижения и влияние на европейские науки и искусства, хоть и пробили широкую брешь в традиционной неосведомленности; но тупое презрение к арабам как «оборванцам-овцепасам» и к сидящим на толстых швейцарских счетах «нефтяным шейхам», предупреждение о со времен Карла Мартелла «все еще агрессивном исламе», негодование из-за «угнетения женщин», «бессмысленного уничтожения варварами греческого знания человечества», религиозной «нетерпимости ислама» принадлежат к традиционной, уже много веков фальсифицирующей реальность пропаганде ужасов с ее в последнее время снова подстрекающим репертуаром в докладах, прессе и односторонне окрашенной политике, которая зарывает правду в братской могиле предубеждений.

В действительности можно определить центр тяжести, в котором обычный по отношению к «неверующим», «язычникам» средневековый образ врага – в этом случае т.н. магометан (мусульман) – внезапно превращается в травматически умышленно искаженный продукт ненависти. Пока и без того слабое знание о так называемых «язычниках» суживается до немногих стереотипов, объективная информация заменяется полемикой, все позитивное, что можно было бы сказать о них, превращается в негативное, их научные достижения приписываются другим, в особенности совершается плагиат изобретений, которые приписываются европейским авторам или даже вымышленным фантомным именам. Даже выдающиеся историки культуры еще в конце пятидесятих годов представляют арабов как полностью стерильный, нетворческий народ, который якобы лишь непонимающе, как попугай, повторял необыкновенно высокое знание античности, если он только варварски не уничтожил бессмысленно ее сокровища, и лишь как почталыон «передал» Западу.

Насколько актуально и необходимо устранить отравляющие сознание предубеждения об исламе, его носителях и его истории, доказывает новая волна пропаганды, которая поднимается в Германии против него, мишенью которой должен стать наплыв турецких иммигрантов и попытка немецких турок основать «Исламскую партию Германии IPD», и против фундаменталистской нетерпимости Ирана. При этом, тем не менее, вследствие неудовлетворительной информированности и отсутствия глубоких знаний в поле обстрела необоснованно попадает сама религия и ее пророк, а также арабский мир. Но ведь не все исламское является арабским!

Задача этой книги – не только исправить многочисленные грубые предубеждения и объяснить, как они могли возникнуть. Прежде всего, нужно объяснить, кто был виновен в роковой травме, этом возникшем вследствие глубокого шока психического «расстройства», которое уже тысячу лет мешало понять арабов, и дало легкую возможность презирать их – вместо того, чтобы благодарить их за великолепные дары. Так как только если «пациент» поймет причину своей «болезни», своей травмы, он справится с нею.

ГЛАВА I

«Магометане»

«... и по его имени приверженцы новой веры назвались магометанами». Кому из читателей уже бросалось в глаза, что в этом определении что-то не так? На эту фальшивку одна ежедневная газета еще сегодня 6 января 1990 года не отреагировала возражением, в точности так же, как и обычный человек на улице: «Магометане? – ну, это люди, которые верят в Мухаммеда».

В основе этого лежала, хотя за столетия сильно стертая и отполированная, но все та же фальшивая монета, которую 700 лет назад уже англичанин Уильям Солсберийский вычеканил из народного мнения своего времени о населенной сарацинами Испании. По ту сторону Пиренеев – так с дрожью узнал от него Запад – в Кордове, местонахождении почитателей дьявола и заклинателей мертвых, окруженный магами и волшебниками, обладавшими тайными книгами, восседал, охраняемый легионом чертей, золотой идол Магомет, называемый также Махмедом, которому якобы поклонялись, стоя на коленях, и приносили ему кровавые человеческие жертвы.

До сегодняшнего дня прошло уже больше тринадцати столетий, с тех пор как пророк Мухаммед в 622 году нашей эры провозгласил религию ислама – т.е.

«преданности», «покорности» «Аллаху», богу – двенадцать столетий, с тех пор как его приверженцы называют себя «мусульманами» – т.е. «покорными (богу)». Но «магометанами» они себя никогда не называли и не называют. После того, как на Западе отказались от имени «сарацины», первоначально названия одного западно-арабского племени, затем от слова «мусельманы» – неправильно понятого персидского, или простонародного преобразования, название «магометане» к девятнадцатому веку прижилось в европейских языках, и оно доказывает, как мало на христианском Западе знали о них. Двенадцать с половиной веков прошли с тех пор, как они завоевали мировую империю, большую, чем Римская империя, и вступили в Сицилии и Испании на европейский континент, где они на Сицилии два с половиной, а в Испании восемь столетий – с 711 до 1492 – жили совместно с итальянцами и испанцами. И в то же самое время на протяжении в целом почти трех веков крестовые походы и франкское Иерусалимское королевство привели арабов и европейцев в самый тесный контакт друг с другом в борьбе и в мирных буднях. И, тем не менее – просто невероятно! – знания об этих людях, их культуре, истории, знания об их характере, душевном складе, отличающемся от европейского, ничтожно малы. Как позорно неудовлетворительно проинформирован о них даже один из самых знаменитых культурных ученых двадцатого столетия, англичанин Арнольд Дж. Тойнби, доказывает его оценка их, которых он называет только «примитивными арабами». По его мнению, арабы якобы были «чужеземным пролетариатом эллинистического мира» и как «примитивные магометане уцепились за варварскую имитацию чуждой им религии Сирии», но «не приняли, например, христианство».

Прежде всего, их религия, их почитание бога, их священные книги и культовые обязанности обычно оставались вне какого-либо интереса, и в фантазиях западноевропейского христианского мира – как уже свидетельствовал Уильям Солсберийский – они пребывали во власти самых жутких демонов и чертей. Вопреки всем длительным, тесным соседским контактам с ними, непонимание Западом арабов – если не учитывать немногочисленные исключения – является тотальным, к тому же еще и искаженным религиозной враждой. И из-за огромного количества предубеждений отношение западноевропейцев к ним фальсифицировано настолько сильно, что это нельзя сравнить с отношением Запада к любому другому народу Земли.

И у этого есть особенная причина.

Черно-белое изображение

Одна вражда, даже религиозная вражда сама по себе еще не становится основой барьера перед лучшей информацией, перед более точным, объективным исследованием, не может стать причиной для возникновения такой преграды и искажение исторических фактов, презрение, высмеивание и поругание противника или ненависть по отношению к иноверцу.

Вражда – так свидетельствуют об этом германские воины – при объективном признании противника, даже уважении к нему может происходить в корректной, честной форме. Нападают ли на Рейх венгры, славяне, армии сарацинов или гуннов – в них, как в одних, так и в других, видят попросту врагов империи. Различия между ними не делают. Еще нет. Еще в открытом для всего мира стихотворном эпосе «Руодлиб» врага встречают в благородном, истинно рыцарском духе, и удостаивают его «милости и доброты».

Это положение меняется, как только церковные рассказчики, христианские летописцы или поэты сообщают о борьбе против «язычников», «неверующих», которые еще не знают бога, но, возможно, еще могут быть обращены в христианскую веру. Если новое черно-белое изображение остается здесь еще снисходительным, даже мягким, то рассказчик использует более острые контрасты вплоть до самого темного черного цвета для борьбы с «язычниками», которые не хотят знать истинного христианского бога и правильный путь. Если верить сообщениям церковников и христианских писателей, то христианский рыцарь, мол, сражается в покорности и ради бога и чести бога – тогда как «злой» язычник ведет себя в бою, не ведая никаких ограничений, высокомерно, заносчиво, и убивает, не зная меры. Все иноверцы, некрещеные для Римской церкви, в соответствии с ее претензией на абсолютность, относятся к «язычникам». В первую очередь, арабские «идолопоклонники» и «дьяволопоклонники», как с отвращением называют их в проповедях. На самом же деле мусульмане верят в Аллаха как *единственного* бога:

«Свидетельствую, что нет иного Бога кроме Аллаха, и еще свидетельствую, что Мухаммед – Посланник бога», послание которого изложено в Коране.

Призыв против «врагов Бога»

Решающая перемена наступает, когда по призыву папы Урбана II 27 ноября 1095 года во французском Клермоне собирается все западноевропейское рыцарство, чтобы взять крест и двинуться для «освобождения» якобы «разрушенного Гроба Господня» в Иерусалим. Чистая пропагандистская формула, как

окажется, чтобы воодушевить бездеятельное и нетерпеливое рыцарство, с помощью которой бродячие миссионеры тотчас раздуют массовое движение до прямо-таки мистического экстаза, – за которым скрываются очень хорошо рассчитанные церковно-политические цели. Урбан II надеялся с помощью определенного торга успешно осуществить прежний план Григория VII: восстановить раскол христианского мира на Римскую католическую церковь и непослушную восточную православную церковь в новом церковном союзе. Для этого ему представился желанный повод, когда византийский император Алексей, которого сильно теснили затопившую всю Малую Азию и опустошавшие его церкви турки-сельджуки, попросил его о помощи в виде отправки наемной армии западноевропейских рыцарей. Правда, угроза со стороны турок уже значительно уменьшилась. Базилевс, наоборот, уже размышлял о войне реванша без чужой поддержки. Также для Святых мест, после немедленного восстановления разрушенного еще четыре поколения назад Храма Гроба Господня, который первоначально должен был завершить большой план и послужить мотивацией, не было никакой потребности в освобождении.

Все же, в то время как папа, «Первосвященник всего мира и посланник бога», ради освященной цели в страстном воззвании умело воспользовался долго лелеемыми стремлениями рыцарства не сидеть бездеятельно дома, а убежать от тесноты родины, в которой провозглашение божественного мира запрещало борьбу, и от экономической нужды, и для испытания самих себя стремилось к борьбе в далеких землях – будь то из религиозного пыла, из воинственности, из жажды приключений или ради надежды на добычу – предпринять как бы вооруженное паломничество в Святую землю, он апеллировал к их рыцарскому сочувствию к «страдающим под властью врагов Господа христианским братьям» в Малой Азии, чтобы агитировать в пользу своей широкомасштабной инициативы ради усиления могущества католической церкви путем объединения ее с восточной православной церковью.

О, этот папа, который так умно сумел спланировать свое появление на синоде перед избранными, приглашенными рыцарями и заранее рассчитать самую эффектную драматургию в ходе длящихся суток переговоров, так что, когда он закончил голосом Христа свой призыв, уже выбранный руководителем крестового похода епископ Адемар подал пример и первым выступил вперед и встал на колени перед Святым отцом, чтобы принять от него крест. И он знал, какие наиболее действенные слова он должен был подобрать, чтобы взволновать или возмутить умы, знал, как он должен возвысить рыцарей к избранным сыновьям божьим, какими словами очернить и унижить врагов. Поэтому «не я призываю вас, а Господь просит и призывает вас, чтобы вы как герольды Христа изгнали это презренное отродье из населенных вашими братьями земель».

С этими произнесенными в наивысшей эмфазе словами случилось нечто, что больше никогда уже нельзя было исправить. С этим экстремистским противопоставлением, с которым руководитель христианского мира силой божественного авторитета обязывает западноевропейское рыцарство на борьбу против исламского мира, он приставляет резец, который искажает лицо араба, мусульманина, на целое тысячелетие. И он делает это таким способом, – мы это увидим – который должен был иметь самые роковые последствия в двойном аспекте.

Культивирование ненависти

Доведенная уже Блаженным Августином до крайней поляризации духовного и мирского, Царства Божьего и мира сатаны вражда, закрепившаяся в Ключийском движении антитетика, и перенесенное духовными летописцами и поэтами в черно-белый рисунок ее изображение – они теперь санкционировались наивысшей инстанцией, даже радикализировались. И благодаря народным проповедникам и миссионерам они разжигались еще больше, раздувались до истерической ненависти к «врагам бога», «врагам Христа», «жалким червям». Их пропаганда крестового похода ставила в свой центр «освобождение Иерусалима» или «Гроба Господня» как эффективную агитационную цель. Об освобождении «братьев в Малой Азии» и их церквей от напавших на византийские земли турок-сельджуков, из-за чего базилевс просил о помощи, и ради чего папа Урбан призвал их, об этой центральной цели для воссоединения церквей, больше никто ничего не говорил!

Нужен был другой, более эффективный с точки зрения рекламы ярлык, чтобы вместе с ненавистью поддерживать и горячее воодушевление. Так легенды, слухи и лозунги о мнимом осквернении могилы Христа, которая якобы как в плену находилась в руках язычников, и о всяческих чудовищных мерзостях, якобы совершенных по отношению к христианам и паломникам в Святой земле, разрослись до приправленного странными фантазиями подстрекательства к крестовым походам.

Это подстрекательство принесло ужасающие плоды. Неудивительно, что эта со всех сторон с просто высосанными из пальца зверствами у могилы Иисуса разожженная до белого каления потребность мести крестоносцев названному так даже самим Святым отцом «презренному отродью» разразилась ужасно – и никто из рыцарей и не догадывался, что они стали жертвой грубых фальшивок, лжи, даже неуклюжей подмены ярлыков.

Потому что за исключением разрушенного девяносто лет назад душевнобольным халифом Аль-Хакимом II и благодаря его матери сразу же восстановленно-

го Храма Гроба Господня рыцарски переложенное мусульманским халифом Харуном ар-Рашидом на христианского императора Карла покровительство и переданный патриарху ключ к Святому району создали здесь климат несравненной терпимости. Когда примерно на сто лет позже епископ Игнатий получает письмо от своего духовного брата, патриарха Феодосия из Иерусалима в Византии, он читает с удивлением: «Арабы – это здесь наши господа. Они не борются с христианской религией. Наоборот, они защищают нашу веру, уважают наших священников и святых и делают пожертвования нашим церквям и монастырям». И – невероятно! – это даже еще во всюду насыщенную смертельной враждой атмосфере эпохи крестовых походов! С Мухаммеда и провозглашения ислама как арабские мусульмане, так и перешедшие в ислам турки, за отдельными, обусловленными временем исключениями, предоставляют христианским паломникам беспрепятственный доступ к Святым местам.

Все же – то, что в Клермоне по тщательно продуманным правилам папской агитации было перенесено с церковью Малой Азии на Гроб Господень, и что наполнило сознание «избранного» богом рыцарства будоражащей умы и фантазии яркой и звучной пропагандой проповедников – по воле бога наказать арабов за бесосновательно приписанные им преступления, все это непрерывно накатывалось на Святую землю. Ненависть к «врагам бога» и пафос желания покарать не убавились из-за невообразимых трудностей и лишений, изматывающих боев и споров между собой во время многомесячных маршей через всю Европу и Малую Азию. Наоборот, наконец, у цели – в Иерусалиме – возбуждение прорвало все дамбы и шлюзы и разрядилось в страшной жестокости.

В бесподобной кровожадности, фанатичные страсти которой еще увеличили тридцать дней поста и долго тянущаяся процессия с проповедями и молитвами, «франкские» рыцари, французы и норманны, носились по улицам Иерусалима и без остановки уничтожали всех, кто попадался им на пути, мужчин и женщин, стариков и детей. По западноевропейским источникам эта страшная кровавая жатва насчитывала до десятков тысяч мертвецов. Патриарх, так описывает христианский летописец Михаил Сириец, бежал, кося все мечом, весь залитый стекающей с него кровью, к Храму Гроба Господня. Там он вымыл залитые кровью ладони и руки со словами псалмопевца: «Праведный возрадуется в Господе, когда он видит такое отмщение. Он омоет руки свои в крови безбожных». Затем он провел торжественную мессу и сказал, что он никогда не приносил богу более угодную тому жертву. Площадь вокруг Купола скалы и мечети Аль-Акса, куда убежала большая часть мусульманских жителей, ища защиту, превратилась под яростью франков в сплошную кровавую баню, в которой христианские агрессоры бродили по лодыжки в крови.

Этот тонко продуманный и хитроумно осуществленный папой Урбаном II в памятный день 27 ноября 1095 года, пролог к одной из самых больших и самых бессмысленных трагедий в истории человечества, первый крестовый поход закончился – пока – полной победой христианских воинов за дело Христа, которая одновременно вошла в историю как их страшное моральное поражение. Как таковое оно вызвало опустошительное эхо во всем мусульманском мире. Это событие до сегодняшнего дня осталось в арабском сознании неизгладимым пятном на европейской репутации.

Поэт Мосаффер Аллах Верди позволил вылиться боли о беде, которая обрушилась на народ с незваными гостями, в эти стихи, которые стали призывом к джихаду, к Священной войне арабов:

«Мы смешали море нашей крови с нашими слезами.

Никто из нас еще не способен,
отразить врага, который грозит нам.

Оружие для мужчины, который проливает слезы, печально,
в то время как война все сжигает пожаром со сверкающими мечами. -

О, пролилось так много крови, что у столь многих женщин
Ничего не осталось, чтобы защитить их стыд, кроме их ладоней!

Лезвия сверкающих мечей приобрели красный цвет,
и острия блестящих как золото пик покрыты кровью.

Между ударом пик и мечей страх так ужасен,
то, что лицо детей становится белым от страха.

Так ужасна эта война, что даже те, кто спасся от ее ужасов,
которые могут надеяться, что останутся в живых,
скрежещут зубами от ярости и горя.

Это как меч, который дрожит в руке неверных
и как в ножны входит в шеи и черепа».

Арабская травма Запада

Все же, целенаправленная дискредитация мусульман как «презренного отродья», осуществлявшаяся через папский призыв и проповеди крестового похода, противоречащая правде характеристика их как «врагов бога» и «врагов Христа» – которого в исламе почитают как одного из пророков – их поругание как «осквернителей могил», клевета на их религию, их бога и его пророка не только бессмысленным образом разжигали возмущение, презрение и смертельную ненависть. Они разожгли страстную готовность наказать их за их мнимые преступления, и одновременно они с беспрецедентной силой укрепляли у рыцарей их уверенность в себе, заставляли их считать себя намного превосходящими это «презренное отродье», больше того, считать себя даже «избранными самим богом» – и тут же самым мерзким образом оскорблять достоинство арабов. Из уст наместника бога на земле это насмехающееся над всякой справедливостью и корректностью поощрение к войне звучало так:

«Каким позором было бы для нас, если бы эта неверующая раса, которая с полным основанием столь презираема, которая отпала от достоинства человека и унизилась до презренного раба дьявола, одержала победу над избранным народом всемогущего бога!»

И как раз *это и было* результатом продлившейся два с половиной столетия борьбы в следующих друг за другом крестовых походах!

За исключением кровавого триумфа первого крестового похода, который, кажется, в значительной степени зафиксировал основание франками Иерусалимского королевства, и пятого, мирного крестового похода немецкого друга арабов императора Фридриха II, который проходил в дружеском духе и совсем без кровопролития, все крестовые походы, которые все больше и больше злоупотребляли религиозным воодушевлением масс для насильственных агрессивных планов, характеризовались тяжелыми поражениями христианских захватчиков.

В конце же их ждало полное поражение. Шок охватил Запад. Неужели божий суд наказал христиан? Не даровал ли бог победу над христианским миром «магометанам»? Не пришел ли как раз через них тот «позор», который Святой отец заклинал как самый большой рок? Не признал ли бог «из злости» правоту Мухаммеда против Христа, правоту «презренной, покорной дьяволу, неверной расы»? Рикольдус де Монте Круцис (Рикольдо да Монтекроче) спрашивал, «не победило ли спасение Мухаммеда полностью спасение Христа?!» «Самым лучшим было бы», рекомендовал трубадур Аусторк, «теперь молиться Мухаммеду!»

Ибо таков был потрясший мир итог продолжавшейся столетиями, стоившей гигантских человеческих потерь, систематически подстрекаемой человеческим горем и человеческими смертями борьбы народов. Церковь и папство теперь платили за свое самое большое усиление власти ужасной катастрофой, глубоким потрясением уважения и доверия к себе. Бедствие, в которое церковные виновники и ответственные ввергли в целом миллионы верующих, оставило сверлящие сомнения и религиозное отрезвление, и человеческое горе в необыкновенных масштабах. Только лишь одна пятая часть западноевропейского рыцарства возвратилась на родину из шести больших и бесчисленных меньших убийственных предприятий, которые стоили едва ли переоцениваемого количества человеческих жизней также простой пехоты, не говоря уже о тридцати или даже пятидесяти тысячах детей и подростков.

Но кто измерил, сколько религиозного идеализма, восторженного воодушевления и искреннего желания уже в соприкосновении со столь обруганным и проклятым противником превратились в позор и стыд? Только уже на Востоке до них дошло, что то «отродье», которое их всегда учили презирать, были такими же «людьми», как они сами. Больше того, они даже намного превосходили их, и не только в военном деле, в их вооружении из дамасской стали, в их латах для защиты человека и коня, в их фортификации и осадных машинах, в их медицинском обеспечении, прежде всего, однако, в святой серьезности их самоотверженной борьбы за свою родину, в лучшей дисциплине и воинском духе, в то время как они сами как сборище индивидуалистов едва ли знали «командную борьбу» или чрезвычайно серьезное восприятие своего долга. Запад отправил свое храброе и бодрое рыцарство, вооруженное гордым сознанием своей избранности, чтобы по приказу бога покарать подлых «язычников» за их мнимые преступления, в Святую землю с наказом великого проповедника крестового похода Бернара Клервосского: «обратить в христианство или уничтожить». Но они сами были разбиты и вернулись покрытые позором. Бог вынес решение в пользу Мухаммеда и против Христа! И тем самым – против них! Бог стал «их врагом».

Это был шок, который разорвался в них, неизмеримое падение сильно пострадавшего чувства собственного достоинства, преувеличенной гордости, безответственно раздутой бессовестной и полной ненависти пропагандой с наивысшим авторитетом. Этот шок превратился в глухую травму, которая с тех пор неизменно до сегодняшнего дня определяет западноевропейский христианский мир в его отношении к арабскому миру. Эта травма блокирует любое объективное, соответствующее действительности ознакомление с фактами, без попыток, даже без готовности непредвзято посмотреть на реальность, не говоря уже о том, чтобы понять ее. Место объективной информации заняла полемика, заняли

предубеждения, которые закалились до твердых приговоров и на протяжении веков приобрели непоколебимую значимость.

Эти «утопанные» предубеждения подпитываются бесчисленными недоразумениями, религиозно обусловленными образами врага, односторонней нетерпимостью, пристрастной ложной информацией, умышленной клеветой и недостаточными знаниями:

- о *религии* и религиозных представлениях мусульман, их представлениях о боге, об основателе их религии (которого путают с их богом), об их верующих и т.д.;
- об исламской *истории* арабов и других обращенных в ислам народов;
- об *обращении* с ближними, с иноверцами;
- о *женщине* в истории, в браке, семье, профессии;
- о *культуре, науке, искусстве и технике*;
- о *современной политике*.

ГЛАВА II

Немецкое и арабское рыцарское благородство посрамляет христианскую нетерпимость

Однако посреди многовековой борьбы между Западом и Ближним Востоком, между христианским миром и исламом были исключения, которые – члены двух наций – не видели в иноверце врага. Там были отдельные голоса среди немцев, которые и без того лишь с трудом присоединялись к разожженному папами воодушевлению крестовых походов, и отвечали на переданные папскими легатами призывы к принятию креста сомнениями и отказом. Там, где они решались на вмешательство, мотивом их были не религиозные интересы, а скорее большие политические интересы Империи, которым лишь внешне придавали церковно-политический вид по причине и без того конфликтных отношений Гогенштауфенов со Святым престолом.

Поэтому получилось так, что крестовые походы оставались в первую очередь делом Западной Европы и Южной Европы. Снова и снова папы глупо использовали крестовые походы буквально как оружие для ослабления и уничтожения

императора и империи и их основывающейся на германской королевской власти претензии на святость, использовали собранные на крестовые походы налоги для своей борьбы против Гогенштауфенов, проповедовали «крестовый поход» против «Священной империи». Когда императоры династии Гогенштауфенов решили присоединиться к тенденции крестового похода, это произошло в сознательном противоречии с папством, и было сделано для того, чтобы отнять у него выкованное *против* них политическое оружие и взять его в собственную руку.

Вокруг трех немецких императоров ткуются узы дружбы с исламскими властителями в тени раздуваемого на протяжении уже трех поколений религиозного фанатизма. Все же, почему историография не хочет говорить о них – за исключением Фридриха II – и об их исключительных обстоятельствах? Кто знает об удивительных событиях уже между его дедушкой, императором Фридрихом I, и исламским султаном Салахом ад-Дином, которого европейцы знают под именем Саладина? Их мирно поддерживавшиеся в атмосфере горячки крестовых походов дипломатические отношения приобретают неожиданный поворот, когда в 1173 году в Ахене делегация из Каира передает письмо султана. В нем Саладин просит руки дочери немецкого императора для своего сына, в то время как он сам мог бы короноваться на христианского короля. Какое предложение! Какое видение связи между Ближним Востоком и Европой! Император не торопится. Он полгода содержит арабских послов при своем дворе и возит их по нескольким городам империи. Спустя год он отправляет Витцтума Бурхарда из Страсбурга с дипломатическими свидетельствами благодарности в Каир.

Дружеские отношения между высшими властителями обоих миров вследствие этого совершенно не пострадали. Хотя в 1178 году приходят тревожные сообщения о полном поражении франков в битве при Хаттине на Голанских высотах с потерей Святого креста и об отвоевании Саладином Иерусалима, которые вызывают страх и ужас в христианском мире. В правильном понимании того, что картина может произвести более длительное воздействие на нравы, чем слова, агитаторы за крестовые походы раздувают пока лишь тлеющий огонек мести с помощью воинственных рисунков, которые монахи в волосяных рясах с жалостливыми криками носят по улицам. На этих рисунках дико выглядящий всадник топчет могилу Христа копытами своей лошади, которая мочится на могилу; или какой-то человек избивает до крови Иисуса по лицу, причем объятый ужасом зритель узнает, что это, мол, «Мухаммед, который его побил, ранил и убил».

Три раза папские легаты появляются перед императором, также на собрании высшего дворянства империи на императорском дворе в Страсбурге, и используют все свое искусное красноречие, чтобы подвинуть его к участию в кресто-

вом походе. Но успеха они не добиваются. Лишь годом позже император собирается отправиться в поход по собственному решению и с исключительным полномочием. Он уже 26 мая 1188 года отправил своего посланника графа Генриха фон Дитца с письмом к султану Саладину. Там он благодарит его за полученные письма и выражает сожаление, что он должен выступить войной против него, если только Саладин не передаст ему Иерусалим и не отдаст ему франкских пленников. Как настоящий рыцарь, император вызывает султана на поединок 1 ноября 1189 года на равнине Цоан на самом севере Египта. Немедленный ответ Саладина его «верному, великому и благородному другу Фридриху, королю Германии» предлагает немцу освобождение всех франкских пленников, затем христианское богослужение в Храме Гроба Господня как постоянное мероприятие и свободный доступ для всех паломников к Гробу Господню в обмен на возврат всех занятых франкскими агрессорами крепостей; но исполнение последнего требования, конечно, не было во власти Фридриха.

Мы не знаем решения императора, которое могло бы придать последующему ходу крестовых походов, вероятно, другой оборот, если бы семидесятилетний император в своем походе к Цоану через Южную Анатолию во время ближневосточной июньской жары не получил сердечный удар в ледяной горной речке Салеф. И эта смерть не дала состояться рыцарскому поединку друзей, возглавлявших обе сошедшиеся в смертельной схватке сверхдержавы того времени. Как семь лет спустя также равноправно согласованная с мусульманами кампания его сына императора Генриха VI.

Это был их внук и сын, император Фридрих II, который в своем «крестовом походе» без оружия и без кровопролития принял все прежние предложения Саладина, даже сверх того, все священные для христиан места, к тому же получил свободный доступ для всех христианских паломников в Иерусалим в полном равноправии и взаимном уважении с мусульманами и евреями, у которых всех здесь есть их самые святые места. Это ему удалось сделать в заключенном с торжественной клятвой мирным договоре с султаном Аль-Камилем, племянником Саладина. Вместе с тем «дело счастливо завершено», как объявляет он своему войску через Германа фон Зальцу, то дело, которое «с давних времен никто из князей и сильных мира сего ни с помощью массы использованного народа, ни с использованием страха или других средств не смог совершить». Все же, он отправился в поход и добился высокой цели «объединить сердца разделенных народов» – и он вместе с тем как раз и стал мишенью для Святого отца в Риме. Такой успех, который заключенными с торжественной клятвой мирными договорами для освобождения и обеспечения Гроба Господня погасил разожженный папством с такими трудами и расходами, с напряжением огромных человеческих масс и человеческих потерь во имя Бога с целью «освобо-

дения Гроба Господня» всемирный пожар, да еще и сделал это без человеческих потерь – как раз это доводит ненависть высшего пастыря христианского мира до белого каления. И папа не ограничивается анафемой и объявлением мертвым победоносного императора, он приказывает своим «солдатам ключа» напасть на Королевство Сицилия, принадлежащее Фридриху, подданных которого он освобождает от присяги на верность ему. Он еще тайком просит даже своего собственного смертельного врага, султана «язычников», чтобы тот не отдавал Фридриху Гроб Господень, и – верх апостольской низости – вместе с тамплиерами подготавливает покушение на императора, когда тот отправится к месту крещения на реке Иордан. И именно мусульманский султан лично спасает жизнь императору Священной Римской Империи. «В отвращении от этой подлой измены» он послал ему запечатанный печатью магистра ордена тамплиеров предательский документ. Перед его возвращением домой церковная ярость из-за договора о мире и равноправии выплескивается в объявлении интердикта об Иерусалиме и о молчании всех колоколов, до тех пор, пока Фридрих находится там, и даже в бросании грязи в императора и его уходящее войско.

О его дружественных связях с арабскими друзьями свидетельствует прощальное письмо, которое Фридрих после своего отъезда уже в море написал эмиру Фахр ад-Дину. Эмир уже как посланник султана находился при дворе императора в Сицилии и делил на Яффе одну палатку с ним, пока он вел переговоры между обоими правителями. Не просто так это написанное на арабском языке, который Фридрих наряду с латынью учил с юности на своей сицилийской, частично населенной арабами родине, направленное арабскому другу письмо – наиболее трогательное. Ведь это самый личный документ, который вышел из-под пера этого императора, написанный после их разлуки, и у обычно такого сдержанного в человеческих отношениях человека в этом письме вырывается страстное признание:

«Во имя любящего и благосклонного бога (Аллаха)!

Сердца твердо закрепились вопреки нашей поездке:

Они отделились от тела, от сущности и вида

И навечно отдались внаём Вашей дружбе.

Затем они полетели назад к Нашей власти.

Мы не думаем говорить о печали, которую позволила терпеть Нам любовь, ни о тяжелом унынии, которые подстерегали Нас, ни о том, насколько Мы тоскуем по приносящему отраду обществу Фахра – да продлит бог его дни!...

Пожалуй, слишком далеко зашли Мы в этом вступлении; все же, замешательство мужчины волнует Нас, который видит себя одиноким в мире по прошествии времен тишины и общности. Скорбь разлуки последовала за блаженством и удовлетворенным стремлением, отчаяние за воодушевлением наших бесед». И затем император отбрасывает вместе с обычной для монарха формой множественного числа все покровы со своей души – «Из-за того, что ты удалился, я чувствовал себя так, что если бы кто-то предоставил мне выбор между отдалением и смертью, я крикнул бы ему: Ты сделал бы мне благодеяние!»

Эта позиция видеть противника по-деловому и без враждебности или чувства ненависти как человека и, если он достоин того, то уважать его как такового, это специфическая особенность этики «drengskapr» (рыцарской чести), которая в германской этике воина сменила застывшую форму мести. Как ранняя форма германского рыцарского благородства она продолжается в среде рыцарей, в первую очередь в Германии. Не только история сама предъявила ценные свидетельства этого свободного от вражды соперничества, которое позволяет развиться объективной оценке, признанию и уважению, даже почитанию и дружбе между противниками.

Прежде всего, Вольфрам фон Эшенбах, в то время как ужасы крестового похода разрастались на пути в Святую землю и на ней самой, всегда снова и снова с особенной увлеченностью изображает этот особенный расцвет рыцарского благородства, в особенности по отношению к арабскому противнику. В поединке Парцифаля с его арабским сводным братом, благородным Фейрефизом, который бросает свой меч на землю, когда меч Парцифаля сломан, и тот, безоружный, предоставлен его воле; в «Виллехальме» в поведении полководца по отношению к арабам Реннеарту и Гибурк и по отношению к арабскому войску и его князьям. В то время как крестоносцы еще плывут в полноводном потоке взбудораженного папами и священнослужителями экстаза ненависти к мусульманским «неверующим», здесь рыцарь Вольфрам фон Эшенбах в причитании полководца Виллехальма над погибшим воином поет хвалебную песню Реннеарту, самому благородному арабу, который «с божьей помощью» завоевал для Виллехальма победу:

«Ты, сильный герой, прекрасный юноша,
Если я теперь не могу служить твоей мужской дельности
И твоему простому приветливому существу,
Твоему высокому и широко распространенному уважению,
то я погублен.

Отобрала ли смерть тебя у меня?
Не сможешь ли ты теперь получить мою службу
И ничего из того, чем я мог бы оделить?
Все же, ты добился в бою для меня этой земли,
Ты сохранил мне мою жизнь и Гибурк, мою прекрасную жену.
Без твоей исключительной смелости
Умер бы мой старый отец...
Без тебя погибли бы мои братья и родные.
Ты был рулем моего корабля
И правильным попутным ветром,
Который позволил сыновьям Генриха уверенно стать на якорь на римской земле.
Таким высоким уважением еще не пользовалась слава ни одного имени
У людей наших дней».

И в открытом протесте против предписанного церковью учения, которое делает право на жизнь и смерть зависимым от крещения, немецкий рыцарь Вольфрам возмущается:

«Разве не грех, что тех,
Кто никогда не знал о крещении, убивали как скот?
Я говорю при этом даже о большом грехе,
Так как *все* – творения бога.
Все люди семидесяти двух языков, которых он создал».

Характерно что именно немец, возвратившись из крестового похода домой на Рейн, не мог не выразить свою благодарность и свое умиление, и написал письмо в далекий Египет султану Аль-Камилю. После ужасной, осуществленной по приказу папских кардиналов-легатов резни всего населения Дамьеты при взятии этой долго штурмуемой крепости в дельте Нила, немецкого схоласта Оливера Кёльнского охватило как непостижимое переживание счастья ошеломляющее открытие им арабского рыцарского благородства Аль-Камиля вопреки всем этим уже обычным ужасам со стороны христиан. Он писал в 1221 году султану Аль-Камилю, тому другу Фридриха II, который, вместо того, чтобы отплатить за зло

злом, четыре дня посылал христианскому войску, долго страдавшему от самого большого голода, по 30 000 хлебов и другие продукты:

«С древних времен не слышали люди примера такой большой доброты врагов по отношению к их пленникам. Когда как раз бог отдал нас в твои руки, мы узнали тебя не как тирана и господина, а как отца в твоих благодеяниях, как помощника во всех опасностях.

Кто мог бы сомневаться, что такая доброта, приветливость и сострадание исходила от бога. Мужчины, родителей, сыновей, дочерей, братьев и сестер которых мы убили с большим мучением, они, когда мы были при смерти от голода, кормили нас своей собственной пищей и обращались с нами по-доброму со многими благодеяниями, в то время как мы, все же, находились в их власти».

Здесь ударил один колокол, который вызвал колебание у другого.

То, что тот или иной араб давал такие доказательства высокой человечности, отнюдь не было единичным случаем. Также когда прославленный и уважаемый на Западе английский король Ричард Львиное Сердце, который на Святой земле своей жестокостью доказал лживость этой своей репутации и раз за разом запятнал ее самым позорным способом, например, когда он неожиданно из своей прихоти приказал перебить три тысячи арабских пленных, которым он обещал жизнь – после чего вождь французской армии последовал его примеру – и с этим преступлением утратил свою славу и плоды своей победы, султан Саладин пристыдил христианских полководцев тем, что он ни разу не отомстил за их нарушение слова и их безграничную беспощадность находящимся в его руках христианским пленникам. Так же, как он при возврате под свой контроль отвоеванного Иерусалима, который был отнят у него крестоносцами после жестокой бойни, дал поразительные доказательства своего благородства по отношению к христианским жителям, он воздавал за те преступления человеческой добротой.

В противоположность мусульманам, христианское рыцарство не знало обязательства признавать за «язычником» естественные права человека, как этого требовала уже самая простая любовь к ближнему. И они не чувствовали себя связанными данным ему словом.

Когда крестоносцы перебили в 1204 году даже своих собственных братьев по вере в Византии, Никита Акоминат жаловался: «Даже сарацины добры и сострадательны по сравнению с этими людьми, которые несут крест Христа на плече».

Решающие различия в отношении к иноверцам основываются уже на соответствующем представлении христианства и ислама о самих себе и на их разном понимании людей.

Различное представление христианства и ислама о самих себе

Христианство ссылается на Ветхий завет как подготовку плана спасения и возвешение об Иисусе, на Новый завет как сообщение о провозглашении Иисусом Царства Божьего и на интерпретацию апостола Павла, его послание о спасении через смерть Иисуса Христа.

Ислам, напротив, предъявляет всеобъемлющую претензию на значимость как «религия начала истории человечества», как общее для всех, вечное и абсолютное изначальное откровение бога, которое как одно и то же всегда снова и снова провозглашалось пророками всем народам земли.

«Бог», по-арабски «Аллах» – которому молились на протяжении веков еще до Мухаммеда – это не имя бога как Яхве или Иегова. «Аллах» означает просто «бог». Из-за чего Сура 3,85 в Коране звучит так:

«Скажи: "Мы уверовали в Аллаха и в то, что ниспослано нам, и в то, что было ниспослано Ибрахиму (Аврааму), Исмаилу (Измаилу), Исхаку (Исааку), Йакубу (Иакову) и коленам (двенадцати сыновьям Йакуба) и в то, что было даровано Мусе (Моисею), Исе (Иисусу) и пророкам от их Господа. Мы не делаем различий между ними, и Ему одному мы покоряемся"».

Последним из пророков и их «печатью» является пророк Мухаммед.

Те, которые отпали от откровения *одного* Бога, политеисты или идолопоклонники, исповедующие многобожие – это язычники, «неверные». Но иудеям, христианам и парсам, которые приняли это откровение, однако, исказили его, – этим «людям писания» Аллах, напротив, предоставляет защиту и позволяет свободное исповедание их религии в их храмах, а также их священнослужителях. Да, даже сам Мухаммед определенно выступает в их защиту. Так как – как он объяснил согласно Хадисам, сборнику его изречений:

«Кто поступает несправедливо с иудеем или христианином, против того я сам выступлю как обвинитель в день суда!»

Облик человека в исламе:

Грешник? – Раб божий? – Фаталист? – Джихад?

Как мало Запад знает о второй, после христианства, самой большой религиозной общине мира, показывают представления, которые связаны с обликом человека в исламе.

Ислам как «покорность воле бога» и отсюда «фатализм», «Абд Аллах» как «раб божий» вследствие «грехопадения» Адама – тот, у кого на устах сразу же появляются такие стереотипные лозунги, тот наложил шаблоны собственного мира идей на мир идей ислама.

Однако ему следовало бы отложить в сторону все эти знакомые ему понятия и представления. В исламе вовсе нет «первородного греха», нет грешных первых людей, нет греховности как соответствующего существу состояния человека. Какую-то вину может изгладить раскаяние виновного и прощение милосердного прощающего. Да, Аллах прощает даже Адама – от которого, согласно *Библии*, произошли все беды мира, который, однако, получает прощение не через раскаяние какого-то человека, разве только благодаря Иисусу, Спасителю: Аллах прощает даже Адама, ибо сам Адам раскаивается.

«Адам принял слова от своего Господа, и Он принял его покаяние. Воистину, Он – Принимающий покаяние, Милосердный!»

(Сура 2,37)

При творении создатель вдохнул в человека свой дух (Сура 32,9), так что человек несет в себе что-то божественное и как мусульманин пребывает в непосредственной, прямой связи с покорностью богу. Таким образом, он – как носитель божественного элемента – в то же время Абд Аллах, служитель или раб бога, и он даже может быть представителем бога. Быть рабом на древнем арабском Востоке вовсе не значило, как в Риме или Китае, быть бесправным, угнетенным и эксплуатируемым человеком – а скорее быть тем, о ком заботятся на основе взаимности, быть окруженным семейной заботой.

Какие лживые предубеждения, сверх того, легкомысленно до сегодняшнего дня во враждебном духе искажают лицо ислама, показывают продиктованные полным незнанием ислама слова великого немецкого философа Лейбница (1646-1716). «*Fatum stoicum*», «стоическую судьбу», которая дает спокойствие человеку, способному разглядеть предписанную ему судьбу, и «*fatum christianum*», «христианскую судьбу», «которую христианин должен нести терпеливо и бу-

дучи довольным тем, что она направлена милостивым Господом», Лейбниц в уничижительном контрасте противопоставляет «магометанской» судьбе, «*fatum mahumetanum*», которая полностью темна и неминуема, так что человек даже не может попытаться уклониться от угрожающих опасностей, а слепо сталкивается с ними.

Сплошной подлог! Здесь на более высоком уровне неизменно действует то же самое черно-белое изображение, что и в раннем средневековье.

Этому неоднократно подпитываемому предубеждению о владеющим мусульманином «фатализме» энергично противоречат дух Корана и слова пророка, которые, наоборот, призывают человека принимать решения по своему собственному желанию, которые апеллируют к его ответственности делать выбор между различными возможностями, между противоположными склонностями, между положительными и отрицательными ценностями, ориентироваться либо на эгоистичные мотивы и цели, либо покоряться воле бога, тем не менее, вовсе не поддаваться слепо решающей все судьбе. Свободное решение предполагает сознательную ответственность мусульманина, что также он сам в состоянии измениться, «содержать свою душу в чистоте и не позволить опорочить ее». (Сура 91, 9,10)

«Эта независимость человека», которая выражается в его сознательном свободном решении, в ответственности его одного и в самостоятельной активности – объясняет выдающийся исламский исследователь Фалатури – «вмешивается даже в божественную сферу в том отношении, что все, что причитается человеку от Бога, было вызвано им самим»:

«Определенно, Аллах, единственный бог, не изменяет положение людей, прежде чем люди сами не изменят то, что есть в их душе».

(13,11; 853)

«Это значит, что даже верующий в бога человек не подчинен произволу, а сам воздействует на то и определяет то, что причитается ему от бога. Итак, человек определяет судьбу во всем, что касается его».

Исламскому облику человека способствует также четвертое понятие, которое Запад знает и использует только в очень одностороннем значении: джихад. «Джихад» вовсе не означает просто и только «священную войну». Джихад – это каждое усилие, каждое старание, каждое укрепление «ислама в нас самих, вокруг нас и в мире – ежедневно новая борьба против сопротивляющихся сил в

нас и нашем окружении, источник, из которого мусульманин черпает силу, дающую ему способности», чтобы он принял свою ответственность, чтобы он осознанно покорился воле бога. «Джихад – это постоянное нахождение мусульманской общности в состоянии пробуждения с одной стороны и постоянная готовность к защите от всех сил, которые противостоят реализации исламского общественного устройства на суверенной территории мусульман с другой стороны».

Распространение ислама «огнем и мечом»?

В полной противоположности к одному из самых закостеневших предубеждений об исламе арабская терпимость играет даже решающую роль в его распространении. Не только христианское духовенство не ожидало ничего подобного. С той поры прошло 1200 лет – но христианский Запад до сегодняшнего дня в слове и письме, в газетах и книгах, в общественном мнении и в самой новой пропаганде все еще цепко держится за бабушкины сказки, согласно которым после смерти Мухаммеда арабские армии якобы распространили «ислам огнем и мечом» от Инда до Атлантики. Эта формула стала в этой связи «крылатым выражением», хотя в нем нет никакой исторической правды и реальности.

«Нет принуждения в религии»,

так звучит обязывающее слово в Священном Коране (Сура 2,256). Целью и смыслом завоевательных походов арабских армий было расширение *сферы влияния бога* в мире – а не распространение исламской веры! Наоборот! Христиане должны были оставаться христианами, иудеи должны были оставаться иудеями как раньше. Никто не препятствовал им и не мог препятствовать им в исповедании их веры. Никто не наносил вред их духовенству, их храмам, их богослужениям.

Новые господа покоренных народов даже препятствовали их переходу в ислам. Правителям были нужны их налоги, которые, однако, подданные не должны были бы платить, стоило им лишь перейти в ислам.

Это сами иноверцы – как раз христиане, иудеи, сабии, «язычники» – по собственному желанию стремились перейти в ислам, в веру и культ победителей, своих новых господ. Причем они торопились с этим даже больше, чем этого хотели бы сами правители. Они подбирали себе арабские имена, перенимали арабскую одежду, арабские обычаи, изучали арабский язык, сочетались браком по-арабски и повторяли формулу принятия ислама, «Шахаду». Очарование арабского образа жизни, привлекательность арабской культуры, элегантно-

сти, утонченности и красоты – короче, своеобразное волшебство арабской культуры, и, не в последнюю очередь, исламское великодушие и терпимость – они обладали непреодолимой притягательной силой.

Христианские религиозные пастыри в Андалузии с горечью свидетельствовали о сильном потоке арабской духовности, которому слишком охотно поддавались христианские овечки. Альваро, епископ Кордовы, жаловался взволнованными словами:

«Многие из моих единоверцев читают стихотворения и сказки арабов, они изучают писания мусульманских теологов и философов, и не для того, чтобы опровергнуть их, а чтобы научиться тому, как можно правильным и элегантным способом высказываться на арабском языке. Где найти сегодня мирянина, который читает латинские комментарии о священных писаниях? Кто изучает среди них Евангелия, пророков, апостолов? Ах, все молодые христиане, которые выделяются своим талантом, знают только язык и литературу арабов! Они читают и изучают арабские книги самым усердным образом, они собирают большие библиотеки, платя за них большие деньги, и всюду громко говорят, что эта литература достойна восхищения! Если же им, напротив, говорят о христианских книгах, то они отвечают с пренебрежением, что эти книги, мол, не заслужили их внимания! Увы, увы, христиане забыли даже свой язык, и среди тысяч их не найти никого, который умеет написать сносное латинское письмо. Напротив, бесчисленные умеют выражаться самым элегантным образом по-арабски и писать стихотворения на этом языке с еще большим искусством, чем это делают сами арабы».

То же самое волшебство арабского образа жизни быстро покорило своими чарами еще крестоносцев на Ближнем Востоке. «Теперь мы, которые были европейцами, стали восточными людьми», сообщал с гордостью француз Фульхерий Шартрский, одолеваемый чужим обаянием этого опьяняющего красками и ароматами чудесного мира. Почему они должны были возвращаться на бедный и убогий Запад, после того, как «бог превратил Запад в Ближний Восток»?

Ислам – соперник церкви

О том, насколько серьезным было положение, какая конкуренция возникала для церкви, свидетельствует то, что чтобы сделать себя понятным поклонникам арабов и не дать им потерять христианскую религию, архиепископ Севильский Иоанн для тех, кто предпочитал арабский язык латыни и уже забыл ее, перевел Евангелие на язык Корана, на арабский язык. Не просто так церковь вынуждена была констатировать, что ее единоличная претензия на спасение души подвер-

гальсаь серьезнейшей угрозе, что в исламе для нее возник не только могущественный религиозный враг, но и принимаемый всерьез соперник, к которому ее верующие перебежали добровольно. Она не могла бороться с ним одним только хорошо вооруженным войском – более важным было превосходящее духовно-религиозное вооружение для избранных богом носителей оружия и обвинения и дьяволизация опасного соперника, представление его как «врага бога» и «дьяволов», которые хотят «лишить нас нашей святой веры», как это теперь бодро начинает бурлить в стихах, написанных по арабскому образцу. Не одни только проповеди христианского духовенства, но и едва ли осознанно извлекающая пользу из арабского стихосложения литература духовных поэтов времен крестоносцев заботится теперь о пропагандистском устрашении. Она нацеливается на дуализм одностороннего морального вооружения христиан, которые должны воспеваться как величественные герои и вознаграждаться сияющими, небесными дарами, и односторонней клеветы на мусульман, которые заслуживают того, чтобы их «убивали и топтали в их крови». Для церковных поэтов «Императорской хроники» в монастыре Регенсбурга и точно так же в «Песне о Роланде» (1130) сочиняющего в Регенсбурге священника Конрада существует только самая дикая ненависть к «проклятому богом, кровожадному народу» язычников: они – «собаки и свиньи», которые, так как их «идолы» бессильны, станут «падалью» и предопределены для ада. «Махмет» (их предполагаемый «идол Магомет», привычно искаженное имя Мухаммеда) «прислал тебя ко мне, чтобы я отрубил тебе голову, бросил твоё тело птицам и наколол твою голову на мое копьё». Если кто-то отказывается креститься, «император приказывает повесить его, забивает до смерти или сжигает». Они «все вместе прислужники дьявола» и все вместе потеряны. «Гнев божий убивает их тело и душу, они навечно населяют ад».

Это было для церкви чем-то совсем невероятным, даже тревожным: покоренные народы *по доброй воле* принимали ислам – не обращением в эту веру, не миссией и не религиозным принуждением! Христиане Испании и не только Испании слишком легко поддавались арабской терпимости, арабской духовности, арабскому образу жизни и его разнообразным чарам – и происходило это вовсе не «огнем и мечом», как все время настойчиво утверждают фальсификаторы! Это положение, однако, изменилось, когда специфически арабская заповедь *терпимости ислама* утратила свою обязывающую силу из-за ворвавшихся на восток Европы из Азии тюркских народов и монголов, а также из-за турецкой Османской империи.

Время терпимости, естественно, окончательно закончилось в Испании, когда христианские государства из северной Испании постепенно оттеснили арабов, и в 1492 году Реконкиста с взятием арабской жемчужины Гранады с ее Альгам-

брой стала окончательным актом их победы. Ибо победа христианства означала изгнание иудеев и мусульман, или же их принудительное крещение, а также назначение генерального инквизитора для преследования всех иноверцев и распространение «аутодафе», торжественной публичной церемонии сожжения для втайне следовавших вере предков «обращенных в христианство» иудеев и мусульман. С ними пала самая великолепная и самая плодотворная культура, которой обладал европейский континент во времена средневековья, она утонула в море ужасов, в котором всё поглотили волны религиозного фанатизма.

Эта песня отчаявшегося, которая должна была призвать на помощь братьев в Северной Африке, попала в руки правительства:

Из страны Андалузии теперь, всемирно известной, хочу я возвестить,
Как она поработается врагами веры, народом грехов.
Подобно заблудившимся ягнятам стоим мы там, окруженные яростью,
И желаем себе смерти, так много зла переносим мы ежедневно;
Они принуждают насильственно наш народ к своей вере и хотят,
Чтобы мы, подобно им, молились на коленях их идолам.
В постоянной нужде мы живем, в постоянных страхах и испуганные,
К ненавистному богу службе изображению призывают они нас своими колоколами.
Мы всегда окружены их соглядатаями, поклявшимися убить нас;
Кто хвалит бога на своем языке, о! безнадежно он потерян!
На их службе всегда ищейки, чтобы ловить подозрительных;
И если бы он даже убежит на тысячу миль, они смогут его найти.
В мрачной тюрьме его бросят затем на жесткую землю;
Днем и ночью кричат ему: «Одумайся!», чтобы напугать его;
Там лежит тогда несчастный и приказ одуматься,
Гремит у него в ушах постоянно, между тем слезы текут из его глаз;
Ему не остается утешения, кроме терпения, пока, окруженный мраком,
В ужасной темнице он томится длинные, длинные дни.
Пропасти глубокие и ужасные раскрываются перед его взором,
Бесконечное море; но его не удастся ему переплыть.

Они тянут его в палату для мучения, и каждая его кость
Разбивается на дыбе, к которой твердо привязывают его;
Тогда на площади Аттаубин собираются гнусные христиане;
Эшафот, ужасный, на деревянных лесах сооружается там;
И этот день они сравнивают со страшным судом; для оскорбления и позора
Должен тот, кто не осужден к смерти, стоять там в желтой одежде кающегося
грешника;
Однако, других они ведут с ужасными истуканами к
К пылающему костру, и ужасной смертью они умирают в огне.
О, мы как огненным кольцом окружены опасностями;
Нет ни одного мучения на Земле, от которого избавили бы нас наши враги!

В 1781 году был приведен в исполнение последний смертный приговор. Лишь в
1834 году инквизиция в Испании была отменена.

ГЛАВА III

Карл Мартелл – «спаситель Европы»?

«В году 732 арабы под руководством Абд ар-Рахмана из Испании проникли через Пиренеи в Аквитанию, разбили Эда (герцога Аквитании) и огнем и мечом опустошили франкскую страну вплоть до окрестностей Тура. Вопрос стоял так: будет ли господствовать над Европой христианско-германское образование и благонравие или ислам, крест или полумесяц. Велика была беда, и полчища арабов были неисчислимы. Между Туром и Пуатье произошла битва, она продолжалась целый день; но Карл с войском своих высокородных австразийцев, к которым присоединились тюринги, алеманы и бавары, также ломбарды, сокрушил, подобно молоту, наступающих мусульман, бурный поток которых сломался о смелость Карла и его франков как о непреодолимый бастион. Абд ар-Рахман погиб; вокруг него лежали – как говорят – 375 000 арабов убитых, остальные бежали. Европа была спасена, и Карла чествовали как героя христианского мира».

Таков обычный рассказ о событии тысячелетия. Какой сенсационный повод по случаю его 1200-го юбилея снова освежить почтенную бабушкину сказку о судьбоносном сражении за Европу! О «святом для всех арабов призвании распространять учение пророка, в том числе, и огнем и мечом», как одна немецкая

ежедневная газета отпраздновала годовщину 16 октября 1982. О «пламенных словах, призывающих во всех мечетях Испании к борьбе против врагов Аллаха» с помощью наместника халифа Абд ар-Рахмана и его «масштабного плана войны. Речь у него идет не только о Галлии – он хочет прорваться дальше на восток со своими конными ордами, через всю Европу, пока он в Азии снова не достигнет империи халифа». Какая призрачная историография! – «Всей нашей части света грозило попасть под насильственно навязанную власть чужой, семитской расы», предполагает учебник, наглядно знакомящий школьников с предположительно угрожающей нашему континенту в то время судьбой с помощью картинок, изображающих дикое нашествие орд размахивающих саблями темнокожих воинов, которые уничтожают все живое под тяжелыми копытами своих лошадей.

Средневековые монахи, которые как летописцы текущих событий обычно отличались тем, что они ради большей славы христиан всегда указывали астрономические цифры убитых ими врагов – они и историографы чего только не придумали о намерении этого арабского предприятия – от разграбления церковных сокровищ в Туре до простого грабежа или, чтобы придать событию надлежащие масштабы, от «нового Ганнибала, который готовит индогерманской культуре новые Канны», до уничтожающего все народного шторма гуннов Аттилы, от «уничтожения христианской культуры» до обращения в религию Мухаммеда.

Но что же было на самом деле?

После форсирования морского пролива «Гибралтар», названной так именем берберского полководца Тарика скалы: «Джебель аль-Тарик», в результате победоносной битвы на реке Вади Бекка (которую обычно ошибочно путают с Херес-де-ла-Фронтера) в 711 году с падением сильно ослабленной вестготской державы Испания попадает в руки ислама. Между захватывающими и арабскими войсками и подтягивающимися вслед за ними племенами возникает мелочная ревность. Берберы чувствуют себя обиженными, их вождь Мунасса (Мунуза) снова отходит от ислама и уходит на север к Эду, герцогу Аквитании, на дочери которого он женится. Назначенный халифом в Дамаске на его место наместником Абд ар-Рахман гонится за предателем через Пиренеи, побеждает и убивает Мунассу, побеждает Эда между Гаронной и Дордонью и преследует его, бегущего в направлении Пуатье. За Пуатье у Нире 11 октября 732 году Абд ар-Рахмана встречают Карл Мартелл и герцог Эд, который объединился с франкским мажордомом, с австразийским войском. Абд ар-Рахман гибнет, войско арабских конных лучников под покровом ночной темноты покидает лагерь. При этом сарацины отнюдь не исчезли из Южной Франции – как утверждает ошибочный тезис об уничтожении. Уже два десятилетия и еще на протяжении последующих

поколений они сидят в Провансе, в Нарбоне, Каркассоне, Ниме. Карл Мартелл еще три раза будет выходить в поход против них, и с переменным успехом, и его наследникам понадобится еще сто лет, чтобы захватить сильно укрепленные сарацинами города и изгнать их через Пиренеи. Сам Карл и его эпоха вовсе не приписывали его борьбе против арабов то же самое значение, как его борьбе с фризами, саксами и алеманами. Когда император Людовик I Благочестивый прославляет достижения своих предков, он приказывает нарисовать на стене дворца в Ингельхайме покорение фризов как славный подвиг его прадедушки Карла: именно покорение фризов и дало Карлу почетное прозвище «Молот» («Мартелл»).

Однако прославление Карла Мартелла как «героя христианского мира» и «спасителя Европы», которое ему, безразличному к религиозным вопросам правителю, приписывало более позднее почитание как героя в пропаганде крестовых походов, вызвало бы в его время скорее едкий сарказм. Так как церковь ни в коем случае не видела в победителе битвы при Пуатье защитника и хранителя христианского мира, а осуждала его как грабителя церквей, который за счет церковных и монастырских строений, земель и церковных сокровищ снарядил и обеспечил ленными владениями свои новые конные армии. И могила Карла из-за этого якобы стала пустой и обугленной, ибо его тело сам дьявол утащил в ад.

И во время этой битвы также еще вовсе не существовало «христианской Европы». Решалось ли в 732 году, будет ли господствовать в Западной Европе христианство или ислам – или же, скорее, свободная от Рима или привязанная к Риму религия? В 732 году это все еще под вопросом. Папа Григорий III, сириец, как раз отправляет англосакса Бонифация к живущим на правом берегу Рейна франкам, затем к гессам и тюрингам. И оттуда снова и снова до Рима доходят его горькие жалобы на «каменные, бесплодные сердца», которые «в темных лесах Германии, охваченные заблуждением язычества, по подстрекательству дьявола блуждают в тени смерти» и отбиваются от того, чтобы склониться под католическим послушанием и господством чужого бога.

Что бы произошло, если бы одно из этих событий произошло иначе, стала ли бы Европа лучше или хуже, более жалкой или более счастливой, этого никто не может сказать. Можно быть уверенным, однако, что это была бы какая-то другая Европа. Хотя история должна иметь дело не с «если бы» и «но», а с фактами. Тем не менее, историки всегда снова и снова ставили этот вопрос и сами каждый раз отвечали на него односторонне с их христианско-западноевропейской точки зрения каким-то лозунгом и в не допускающей возражений уверенности, которая не знает ни сомнений, ни доказательств. И как раз поэтому она заставляет заново задуматься. Ни одна историческая книга не

упускает момент, чтобы постфактум констатировать, что это мнимое «решающее сражение» якобы спасло «христианскую Европу», «христианское образование и благонравие» – о котором еще вовсе нельзя было говорить и которого во время христианской миссии и после миссии жутко не доставало – что оно «уберегло от уничтожения исламом», защитило якобы целый континент от его «ориентализации и семитизации» и спасло «европейскую цивилизацию от гибели».

Никого, однако, не волновало то, что после этой битвы произошли массовые принудительные крещения, при отказе от которых убивали тысячи людей, жестокие нарушения прав человека, физическое и психическое насилие, чтобы погасить в головах живущих здесь людей их собственную, очень живую веру и вместо нее внедрить им в головы совершенно чужое вероучение. Кто из тех летописцев задумывался над тем, что как раз послание Рима, именно провозглашение Бонифация, и было тем, что должно было вызвать «ориентализацию» через чуждый дуализм, «семитизацию» облика человека как «грешника», веру в его слабость и необходимость спасения, и веру в падшую природу человека? Кто из тех, кто празднует победу христианского «благонравия и человеческого достоинства» в этом предполагаемом поединке двух миров, догадывается, сколько слез ежедневно на протяжении пятнадцати веков проливали женщины, униженные до виновницы и матери греха, превращенные в обязанные к послушанию по отношению к мужчине объекты избиений? Сколько тысяч женщин было заживо сожжено как ведьмы на поленнице? Кто определит еще сегодня, сколько религиозно независимых мужчин и женщин, черпающих из подлинного религиозного переживания, подвергались преследованиям и были убиты, сколько исследователей и ученых, которые спорили с опирающимися на Библию, были убиты, скольких человеческих жизней стоили религиозные войны и избиения иноверцев? Сколько разжигалось ненависти, так что христиане верили, что в еврейских погромах они мстят за распятие Иисуса?

Сама западноевропейская история готовит контраргумент против представленного в качестве угрозы человечеству и культуре и поставленного у позорного столба всемирной историографии ислама: неповторимый в те времена пример – можно было бы сказать: более счастливая обратная сторона этой тусклой медали – не на короткий счастливый промежуток нескольких лет, нет – продолжительностью от семи до восьми веков: Испания!

Контраргумент: Арабская Испания

Пример Испании показывает, что в то время как по эту сторону Пиренеев всякая другая вера помимо «единственной спасающей», где бы в Европе она ни

попыталась подняться, ликвидировалась в ходе строгой политики «апартеида» по отношению ко всем нехристианам, по другую сторону этого горного хребта на протяжении почти восьмисотлетнего арабского господства христианство не было ни искоренено, ни погибло. Пример Испании одновременно показывает, что еврейство – которое христианская церковь постоянно использовала в качестве козла отпущения за смерть Христа, и с начала крестовых походов оно вынуждено было непрерывно страдать от наихудших погромов со стороны христиан – при арабском господстве как «хранители священных писаний» и «опекаемые» вплоть до изгнания из снова христианской Испании, впервые с «рассеяния» получило свое освобождение вплоть до полного развития и полной автономии.

Пример Испании также показывает, что там обедневшая, одичавшая, опустившаяся, поработанная страна за двести лет арабского господства значительно опередила по уровню благосостояния всех кругов населения, образованию всех слоев населения, высоте своей культуры, наук и всех искусств страны Европы, особенно в сравнении с совершенно слаборазвитым, отсталым, искусственно поддерживаемым враждебной духу и интеллекту церковью в стерильном состоянии христианскому миру. Испания давала этому миру образцы и разнообразные стимулы, и это абсолютно уникальное здесь преимущество оставалось неоспоримым на протяжении половины тысячелетия – пока она не была уничтожена извне христианской Испанией.

Уникальное на всем континенте культурное процветание арабской Испании развивается на этой почве всепобеждающей терпимости, на которой – в противоположность преследованиям Исидором евреев и еретиков во времена вестготов – все такие разные духовные течения взаимодействуют в плодотворной гармоничности, никоим образом не вырождаясь в ее безветрии: арабы и готы, египтяне и берберы, сирийцы и евреи, персы и иберы, преимущественно как мусульмане, но так же беспрепятственно и как христиане и евреи. Эта естественная для ислама готовность без возражений допускать исповедание христианской веры, была так необычна для отдельных христиан и возбуждала их почти к мученическому фанатизму. Так один молодой христианский писарь при дворе Кордовы решил уйти в монастырь, и как монах попросил о беседе с верховным кади (судьей) королевства, якобы в намерении перейти в ислам. Но на самом деле молодой монах заговорил без обиняков и принялся ругать ислам и его пророка как адского мошенника. Напрасно благосклонный судья пробовал все, чтобы отговорить фанатичного юношу от его оскорблений и спасти его как душевнобольного от смертной казни. Для молодого христианина было совершенно невообразимо, чтобы мусульманский судья захотел помочь иноверцу. После этого мудрый халиф созвал епископский синод, на котором такие сознательные

вызовы мученичества – как они внезапно вошли в моду – классифицировались как пустой фанатизм.

Этот освещающий на протяжении веков всю Европу расцвет культуры тем более поразителен, что он вовсе не продолжает традиции каких-то старых остатков и не опирается на уже развившиеся здесь прежде структуры значительной культуры, что он не мог перенять или подражать тому, что уже было здесь раньше, как это происходило в древних цивилизованных странах Востока. Земля, на которой из этого цветка культуры разрослись поразительные ветви и почки, оставалась абсолютно стерильной и невозделанной, на протяжении ее прежней истории за ней не ухаживали какие-либо существенные культурно-творческие силы.

Выросшая теперь здесь, неповторимая красота этого рая архитекторов, певцов, поэтов, ученых, рая также женщин – о котором Запад придумывал самые дикие, клеветнические фантазии и, все же, не обладал никакими знаниями, даже самым слабым представлением о нем – была создана арабами почти из ничего. И силой воздействия ее духа на такие разнообразные расы и времена, которое в перекрывающей все сводом гармонии нашло свою форму и символ: в Большой мечети Кордовы.

Здесь стояла церковь. Также это характерный пример обращения с покоренными: вместо того, чтобы просто отобрать ее, халиф выкупил церковь у христианской общины за большую сумму, на которую христиане должны были построить новые церкви. Затем он приказал снести ее и из ее каменных блоков и из античных колонн, из персидских и арабских стиливых элементов построить совершенно новую мечеть по арабским архитектурным замыслам, необозримый лес колонн и стержней колонн, над которым парят полуциркулярная арка и, над нею, подковообразная мавританская арка, которые со строгим ритмом красного и белого камня в неограниченной ряби смыкаются на орошенном великолепными арабесками михрабе. И все это сделано так, что из разнообразия самых разных по происхождению форм и ремесленников возникло вовсе не какое-то лоскутное изделие, делающее из старого новое, а скорее нечто цельное, сравнимое с арабской формой стихосложения «касыда», в которой все приведено к одному знаменателю, к одной и той же рифме: по-арабски. И характерно также вот что: ни христианские церкви, ни еврейские синагоги не могли полностью уклониться от арабского стиля. То, что расцвело здесь в области архитектуры в Кордове, Толедо, Гранаде, Севилье, это затем отсюда усилило творческую динамику этого народа на всех полях Андалузии самым счастливым образом.

Не только на прежде едва ли возделываемых культурных полях, но и на иссушенной, твердой земле голых плоскогорий, Месете, арабы благодаря своему многовековому опыту в бурении колодцев, в орошении с использованием норий, огромных водяных колес, при помощи мощных плотин, систем орошения и водопроводов смогли создать роскошно цветущие террасы и сады с фруктами всякого рода в изобилии и нивы, которые давали от трех до четырех урожаев зерновых за год. Они принесли свой опыт из восточной степи в животноводство как опытные разводчики лошадей, мулов и коров, причем они первыми применили искусственное осеменение. Они открывали шахты, которые были заброшены более тысячи лет, и добывали железную и медную руду, олово и ртуть, которые по их древним, связывающим разные страны торговым путям попадали далеко на Восток через Багдад или Александрию в Индию и Китай. По этим дорогам путешествовали роскошные товары и сырье, послы и сообщения. По ним путешествовали агенты высокообразованного эмира Аль-Хакама Андалузского, которые всюду в империи посещали уважаемых авторов в самых важных научных центрах и скупали их самые новые рукописи часто уже перед их окончанием. Затем эти книги, скопированные в Кордове прилежными переписчиками, наполняли полки мечетей и школ, более двадцати общественных библиотек и ящики книготорговцев на книжных базарах. И это в то время, когда к северу от Пиренеев книги из-за большой стоимости ввиду их редкости были крепко прикованы цепями в монастырях. И в то время, когда там же духовенство преследовало любую попытку «искать знания и исследовать, после того как было провозглашено Евангелие» как кощунство, – как Тертуллиан и Августин осуждают «болезненное любопытство» – как одну из «опасных форм искушения».

Привлеченные славой высших школ мавританской Испании, частично даже сами принадлежа к этой дружественной к науке среде, лучшие исследователи и ученые из всех отраслей науки собираются здесь в знаменитых андалузских университетах. Более поздние переводы их произведений на латынь, сделанные всемирно известной школой переводчиков в Толедо, открывают большое разнообразие выдающихся исследователей из самых различных дисциплин, таких как Абуль Касим, Ибн Сохр, Ибн Рушд, Ибн Тували, Абу Марван, Ибн аль-Хатиб, Аль-Битруджи, Ибн Аль-Байтар, Ибн Фирнас, Ибн Хальдун, Али аль-Риджаль, Джабир ибн Афлах и еще многие другие, которые дали ценные импульсы и стимулы так нуждающемуся в них Западу.

Также певец, необычайная слава которого распространила репутацию Андалузии по всем арабским странам, со своей стороны не мог устоять перед силой притяжения двора халифа Кордовы, музыкант и певец Сирджаб, который как «арбитр изящества» регулировал общественную жизнь и музыкальное воспитание придворного штата и всей поющей и исполняющей музыку страны.

Арабское песенное искусство, которое на Востоке, в Мекке и Дамаске, в Басре и Багдаде вместе с поэзией пользовалось большим почетом и поддержкой, снова проснулось в Андалузии, после того, как при опустошительном вторжении монголов чужая монотонность вытеснила чарующую магию сирийско-пифагорейской тональности. В Испании бурлили источники типичной своей мелодией и ритмом андалузской музыки в союзе с рифмованной поэзией своеобразного характера и собственного обаяния в необычном изобилии, как будто бы они были естественным выразительным средством андалузца. Его радость от элегантности подбора слов, четких ритмов и удачной рифмы была общей для всех и служила здесь для шутливой беседы.

Пересечение арабско-андалузской границы

Одним из самых изысканных растений на богатом поле арабской культуры и поэзии, которое уже в пустыне заняло замечательное место в жизни племен и развивается еще сегодня у туарегов, которое нашло свой особенный питомник при арабских княжеских дворах главным образом в Багдаде, но именно в Андалузии достигло своего наибольшего процветания, был культ прекрасной дамы и миннезанг, любовная поэзия, в основе которых лежит специфически арабское отношение мужчины и женщины. Для лучшего понимания этого отношения мы вернемся к этому вопросу в связи с ролью арабской женщины. Могущественный, склонный к вспыльчивости эмир Андалузии Аль-Хакам I как покорный возлюбленный обращал «к газелям» своего гарема такие стихи:

«Вы порабощаете меня, властителя,
решения которого подчиняются любви,
как скованного пленника.

Избыток любви сделал его вашим рабом,
хотя он – могущественный король!

...

Лучше он покорно опустится своей щекой на землю,
чем он ляжет на шелковую кровать;

Покорное поведение подобает свободному мужчине,
если только он становится рабом из-за любви!»

Все же, то, что, казалось, было по ту сторону всякой вероятности, произошло как беззвучное пробуждение Запада от многовекового глубокого сна. Это началось в Провансе и превратилось в модное «пленение» придворных кругов, захватило своим шармом тотчас также Северную Францию и покорило, наконец, Южную Германию и Австрию своим чарам. «Реванш» Андалузии за Пуатье!

Там, где Карл Мартелл победил войско сарацин и его полководца, там 333 года спустя победило обворожительное арабское творение, миннезанг, а именно с армией плененных арабских певиц и танцовщиц, которых герцог Аквитании и граф Пуатье в 1065 году привел домой с папского «крестового похода» против сарацинской пограничной крепости Барбастро. Неудивительно, что его сын, молодой герцог Вильгельм (Гильом) IX, граф Пуатье, у которого с юности звучала в ушах музыка и песни о прекрасных дамах, и который неоднократно был породнен с арабскими княжескими домами, как говорили, «был одним из самых куртуазных людей на свете, и одним из самых великих обманщиков (соблазнитель) дам, и был он добрым рыцарем, галантным и щедрым; и хорошо сочинял и пел»: «рыцарь, смелый в бою и неудержимый в служении дамам». Вильгельм IX стал жертвой вторжения арабского духа как первый трубадур истории, за которым последовала целая группа поэтов и певцов на службе прекрасной даме как куртуазного искусства светского общества.

Потому что то, что арабами воспринималось чрезвычайно серьезно, стало здесь модой, галантной игрой. И к правилам этой игры относилось заверение:

«Я – твой, моя госпожа,

Служить тебе всегда готов я», и страстное желание,

«У нее быть ее рабом! -

Стоять на коленях перед нею – чтобы умолять ее о милости».

То, что доносилось из Франции к немцам, было здесь революционным – вихрь, который, кажется, в своей безудержной радикальности ставил все существовавшее прежде с ног на голову. Его воздействие было противоречивым и странным. Это служение прекрасной даме предназначалось не женщинам, а совершенно определенной женщине – хотя не девушке, а замужней женщине – но даже не своей собственной жене, а жене другого. Если женщина в браке, как того требовали церковь и духовенство, как грешная дочь Евы была послушной служанкой своего господина и повелителя, воле и приказам которого она должна была покорно подчиняться, то теперь под низвергающим все образцом при дворе навстречу ей выходил поклоняющийся ей рыцарь, который покорно становился перед нею на одно колено, сам унижался до ее слуги и отдавался ее

воле, как стоящей намного выше его самого госпоже, которая скупится на свою «милость»:

«Меня лишила своей милости женщина,
Которой я служил с постоянством»,
(MF 206,103)

сетует Гартман фон Ауэ, между тем Генрих фон Морунген советует:

«Тот мудр, который служит там,
где хорошо принимают его службу,
и оборачивается с доверием туда,
где к нему проявляют милость».
(MF 134,14)

в то время как Рейнмар фон Хагенау уверяет:

«Настолько полностью покорен я ей,
что неохотно я теряю ее милость.
Я радуюсь, что я должен служить ей,
даже если она только мало вознаграждает меня за это.
Она может верить мне, когда я жалуясь ей на беду,
Которую ношу я в своем сердце по ее вине».
(MF 159,28)

Однако, этот образец отношений полов в арабской любовной поэзии, который проявляется у нас не в его неизменном первоначальном виде, а уже измененный в провансальско-французском одеянии, с обманом кажущихся чувств и насмехающейся над реальностью модой вызвал у обоих полов большую критику и недовольство. Это домогательство любви от прекрасной дамы у супруги другого, тогда как дома эта же почитаемая «милостивая госпожа» должна была и дальше играть свою послушную роль благовоспитанной служанки своего мужа, и галантный кавалер в собственном замке продолжал свою роль повелителя, ввергло немцев в большое замешательство. Женщины жаловались, что они не могут доверять «сладким словам» кавалера и клюнули на его галантную «ложь». Мужчины сетовали на то, что женщины неправильно понимают их куртуазное «служение», они воспринимают это то слишком серьезно, то не прини-

мают всерьез, то ли слишком большая преданность, то ли слишком большая гордость обижают их.

То, что необязательность должна была только усладить беседу, усилило протест немецких миннезингеров против чужого обычая. Прежде всего жаловался Вальтер фон дер Фогельвейде:

«Любви не годится быть одинокой,
Она общая,
Настолько общая, что она проходит
Через два сердца
И ни через одно больше».

Все же, там, где немцы научились тому, что эта галантность гарантирует, возможно, даже внутреннюю дистанцию и может пойти на пользу самообладанию и сокрытию своих самых личных чувств, там она удержалась у них.

«Но арабский образец оказал также более глубокое воздействие. То, что люди начали высказывать, четко выражать, осознавать то, что до сих пор оставалось самой внутренней сферой личности, и что знакомились с другими, новыми способами взаимоотношений мужчины и женщины, проникались ими, стремились переживать эти чувства как свои собственные – или также отвергали их – все это заставляло вибрировать новые, доселе неизвестные струны в существовании немцев. И при этом арабский образец покорности, преданности более высокому, взгляда снизу вверх и высокой любви, который высвобождал очистительные, увеличивающие силы, нашел в новом, специфически немецком этическом идеализме своеобразную форму и глубину.

Это было так, как будто настолько искаженная, так болезненно растоптанная всей библейской, монашеской ненавистью к женщинам высокая оценка личного достоинства германской женщины спаслась в этом новом прославлении женщин. Как будто бы не совсем убитое под церковными принудительными средствами сознание того, что женщинам благодаря их более глубокому укоренению в первопричине бытия было присуще что-то святое (Тацит), пыталось под символом беззаветно служащего возлюбленного убежать в одухотворенную, нравственно преображенную, очищенную любовь. Любящая преданность стала очищением любящего, любимая женщина – олицетворением и посредницей, передающей вечные ценности, которая поднимает мужчину к себе – согласно целенаправленной мысли, которую Гёте облек в заключительные слова «Фауста»: «Вечная женственность влечет нас вверх».

Здесь становится очевидным: Чистая имитация совершенно чужих образцов порождает множество самых разных человеческих проблем – она *может «присваиваться»* осмысленно *только* в соответствии с законом *собственной* сущности. Больше, чем в других областях, в отношениях мужчины и женщины – как мы увидели – проявляется то, что манеры поведения одних людей не могут переноситься в их первоначальном смысле на людей с другим менталитетом, и сущность этого поведения искажается. И оказывается – как мы вскоре увидим – что некоторые наши понятия в мышлении других людей имеют совсем другое значение, даже совершенно не соответствуют их реалиям – что способствует грубым недоразумениям и ошибочным оценкам. Например: «Послушание».

ГЛАВА IV

Угнетение женщины в исламе

Скрытые за решетками гарема от взглядов мужчин, в душной атмосфере необузданной половой жизни занятые бездельем, болтовней и мелочной ревностью к трем другим женам – так европеец обычно представляет женщин в мире ислама. Женщины, которые могут покинуть гарем только закутанные с головы до пят, женщины, созданные для удовлетворения похоти мужчины. Бесправные подавляемые существа без души, которых как товар покупают у их родителей. Да, тысячи замотанных в чадру приверженок Хомейни, которые, похожие больше на черных птиц, чем на людей, затемнили улицы Тегерана, только подтверждали то представление о глубоко униженных исламских женщинах под властью женоненавистнической религии мужчин.

И, все же, ни паранджа, ни гарем, ни их бесправие и якобы глубокое унижение со стороны мужчин, ни совершенно неверный тезис об якобы отсутствующей у женщин душе не имеют ничего общего с исламом: они не предписаны ни Кораном, ни пророком Мухаммедом. Да, что же вообще в этом изложении соответствует действительности, а что нет?

Священный Коран, законно регулирующее все религиозные, частные и государственные сферы предписание бога, подчеркивает *равенство сущности и достоинства мужчины и женщины* в их отношении между человеком и богом и во всех религиозно-психических интересах, в чисто человеческом и моральном плане, как и в социальных и финансовых делах. Даже одинаковое жалование причита-

ется обоим. «Согласно установленному порядку, жены имеют такие же права, как и обязанности» (по отношению к мужьям), говорится в Коране, Сура 2,228.

Все же, далее следует предложение, которое, кажется, снова ломает всё для нас: «хотя мужья и выше их по положению», и женщины должны «повиноваться» своим мужьям. Но для араба, тем не менее, здесь нет никакого противоречия, так как речь здесь идет не о моральном различии положения. Иначе чем для Яхве в Книге Бытия, для апостола Павла, Святого Фомы и Лютера это «послушание» не означает наказания за греховность и инстинктивность Евы. В Коране женщина – это *не причина греха и не соблазнительница мужчины* – здесь оба соблазняются змеем, не приобретая при этом передающийся по наследству первородный грех. Оба пола «из одной и той же сущности», оба одарены бессмертной душой. Все же, при одной и той же сущности и одной и той же ценности между мужчиной и женщиной лежит дистанция, поле напряжения. Так же, как между богом и человеком.

Ибо это справедливо для всех людей и религий: Отношения полов имеют свое метафизическое основание в целостном бытии человека и неотъемлемы от его отношений с миром, с судьбой, с богом. Поэтому структура первоначальных отношений между мужчиной и женщиной соответствует – всюду – его отношению к так или иначе испытанному божественному.

«Ислам» означает покорность воле бога, покорную преданность, послушание: относясь к «салам», вместе с этим также говорят доверие, свобода от угрозы, мир. «Ислам» характеризует также отношения между полами: В их взаимосвязи друг с другом как мужчины и женщины они также определяются доверяющей покорностью, подчинением, преданностью. Это «послушание» – не что-то, от чего страдают, а то, чем наслаждаются, это вовсе не то, что убавляет кого-то, а наивысшая ценность: перед богом как в любви. Дар для того, кто его принимает – для того, кто сам отдает себя (как говорит песня) «великолепие и второе королевство». И попеременно *оба* принимают эту роль *отдающего себя, повинуюсь*. В любовном сватовстве и искусстве любви это мужчина, который стоит на коленях как послушный, покорный слуга перед почитаемой возлюбленной. В браке, о котором речь идет в Коране, женщина *хочет* мужчину как превосходящего, так как ее гордость *хочет* предаться тому, *хочет* смириться только перед тем, на которого она может глядеть снизу вверх.

В отличие от изначального конфликта между Адамом и Евой в Ветхом завете и усиливающейся через постканонические писания, Павла, Тертуллиана, Хрисостома до Петра Дамиани ненависти к женщинам, которая затмевает даже «Молот ведьм», ислам не знает греховности женщины и борьбы полов: ни в браке,

ни в общественной жизни. Наоборот: Сура 30 указывает на «любовь и нежность» и на «мир», который мужчины находят у женщин. Перед своей смертью Мухаммед возлагает на мужчин ответственность за женщин:

«О, люди, воистину у жен есть права на вас! Обеспечьте им самое лучшее обращение! Вы взяли их как *доверенное богом имущество* – я приказываю вам обращаться с ними заботливо!» Матерям достается больше доброты и заботы, чем отцам, «под их ногами рай». Особенную ответственность он направляет на нежность и заботу к маленьким дочерям, которых бедуины когда-то часто убивали при рождении, так как из-за их кочевого образа жизни им было затруднительно иметь слишком много женщин в племени. Теперь же с ними нужно обращаться «так же, как и с сыновьями и давать им те же возможности для воспитания и обучения» – так как он также обоим полам, мужчинам и женщинам, поручает стремиться к знаниям.

Ошибочное представление, которое чрезмерно занимает фантазию европейца и обычно вызывает у него моральную критику, касается *многобрачия*. После битвы у горы Оход, в которой погибло очень много людей, пророк увидел единственное решение для обеспечения вдов и сирот в браке «до четырех жен» как *социальной необходимости*, которая, однако, действует только при определенных условиях. Так как супруг *обязан обращаться* со всеми четырьмя женами *одинаково хорошо и справедливо*, и к этому относится и то, что он должен позаботиться о собственном жилом помещении и соответствующем социальном положении обеспечению для каждой из жен. Сура 4, 3 предостерегает: «Если вы боитесь, что не будете справедливы к сиротам, то женитесь на других женщинах, которые нравятся вам: на двух, трех, четырех. Если же вы боитесь, что не будете одинаково справедливы к ним, то довольствуйтесь одной или невольницами, которыми овладели ваши десницы. Это ближе к тому, чтобы избежать несправедливости (или бедности)». Идеалом, чтобы удовлетворить обязанность заботливого, справедливого обращения, является *единобрачие*, в сравнении с которым многобрачие оставалось исключением, если не считать халифов и князей.

В то время как только у мужчины есть право на развод, женщина в действительности обладает двумя законными возможностями защитить себя при окончании брачного договора и возложить на своего мужа желаемые ею обязательства. Ее материальному обеспечению также способствует приданое.

И здесь гнездится еще одно предубеждение вследствие недостаточной информированности, что вновь указывает на то, что у кое-чего, что рисует себе западная фантазия, часто были совсем другие *важные* в начале седьмого века

социальные мотивы: женщина – это товар, за который мужчина оплачивает семью. Жених дает невесте «утренний дар», из которого она получает половину перед заключением брака и полное право обладания этим имуществом; в случае развода он должен выплатить ей оставшуюся половину, чтобы она была обеспечена в финансовом отношении. И это ведет к сущности их отношений:

Если в браке женщина подчиняется мужчине, то он «несет ответственность за нее», и он обязан предоставить ей приданое, поддержку, одежду и обслуживание, соответствующее ее (не его!) общественному положению. Несомненно, сшитые европейцами понятия патриархата и равноправия здесь совершенно не улавливают сути дела. Намного правильнее было бы сказать так: Мужчины и женщины обладают *одинаковыми правами по качеству, но не идентичными правами во всех областях.*

Так жены пророка также играют значительную и независимую роль. Прежде всего Хадиджа, его жена на протяжении двадцати четырех лет, состоятельная вдова купца, которая самостоятельно руководит торговым домом, отправляет караваны, ведет торговлю с удаленными метрополиями и является первым человеком, который верит в предназначение Мухаммеда и поощряет его, чтобы он вопреки сомнениям в себе самом последовал за своим призванием.

Женские поколения первых столетий ислама еще полностью соответствуют образу свободных, независимых и уверенных женщин доисторического времени. Они даже играют ведущую роль на поле сражений, как и в остальной общественной жизни. Более поздняя супруга пророка Аиша оказывает значительное влияние на собирание и классификацию традиции Хадисов, высказываний Мухаммеда. Еще при дворе Омейядов с удовольствием слушают истории о гордых, надменных женщинах, которые завоевывают себе сердца мужчин, чувства которых они разжигают так, что те совершают подвиги, и одобрение которых является наивысшим одобрением для мужчины. Женщины учатся и даже преподают в мечетях. Видные правоведы требуют назначать женщин на должности судей. Можно увидеть женщин-юристов в мечетях, как они читают публичные лекции и толкуют законы. Среди них одна специалистка по государственному праву, восхваляемая как «наставница женщин-юристов». Они – признанные судьи, теологи, поэтессы, и никто не находит это странным. Но вскоре это положение совершенно изменилось.

Отчуждение паранджой и гаремом

Двумя путями под чужим влиянием – исходя из Персии и из Византии – приходит изменение и становится заметным при дворе Харуна ар-Рашида в Багдаде. Если Хайзран и Зубайда, мать и супруга халифа, еще были великолепными аравитянками чистой крови, то персидские наложницы и певицы постепенно приобретают господствующее влияние на придворную жизнь с необузданными развлечением. Персидские и византийские рабыни становятся любовницами и матерями халифов. С ними чадра и отделение женщины в гареме, связанное с обычаями евнухов христианской Византии, завоевывают придворное общество, осадки, основывающейся на персидском дуализме несвободы женщины. И то, что как элегантная мода является символом статуса аристократических дам при дворе, скоро становится образцом для подражания для горожанок – совсем не убеждая, напротив, свободную бедуинку и тяжело работающую крестьянку.

Это было в 1000 году, когда полностью находящийся в плену персидского пури-танства слабый и ханжеский халиф Аль-Кадир Биллах предписал всем женщинам любого сословия ношение паранджи и пребывание в гареме. И вскоре после этого также строгий Аль-Хаким II в Египте запретил им покидать гарем или дом, не будучи закутанными с головы до ног, чтобы были видны только глаза, и только в сопровождении. Вместе с тем неарабское, происходящее из персидского враждебного к женщинам и плоти дуализма разделение на две части затвердело в чистый мир мужчин, который был резко разделен от мира женщин. Воздействие связанной с упадком чистого арабского духа из-за вливания чужих элементов набожной ханжеской ортодоксии; в ней победил очень неарабский, аскетический дух, как он тысячелетием раньше после вавилонского пленения разлился из северо-восточных горных стран через Переднюю Азию как волна отвращения к миру и антипатии к природе. Под ее впечатлением исламское духовенство интерпретирует суру Корана, которая обоим, мужчине и женщине, предписывала опускать глаза перед нецеломудренным, и особенно женщинам не обнажать «свои прелести» «кроме того, что должно быть видно», так, что теперь, по мнению духовенства, только глаза могли быть видны – явно лживое истолкование, так же, как и предписание показывать себя дома только семье, а с чужаками говорить только за «занавесом». Во время монгольской эпохи с середины тринадцатого столетия и османского турецкого господства с шестнадцатого по девятнадцатый век это тотальное ограничение свободы женщины распространялось все дальше, и при этом оно ошибочно понималось как почтенная арабская или исламская традиция – и еще сегодня неправильно понимается.

«Ислам» в любви

Не подхватив заразу от того духа, который хозяйничал на востоке, традиционный свободный дух бедуинов как последний оазис арабского уважения к женщинам овеял Андалузию. Андалузские женщины поражали своим уверенным поведением на публике, и не только светские дамы, также простые девушки и рабыни, своим оживленным участием в духовной жизни, в науках, а еще большой долей среди них выдающихся поэтесс, которые выражали свою любовь с той же уверенностью, что и мужчины. Среди них блистала поэтесса Валлада (аль-Уаллада), дом которой был местом встречи и барьером, где бросали друг другу вызов самые большие поэты и даже дилетанты, борясь за расположение женщин. В кругу света многочисленных маленьких и больших созвездий развивалась специфическая арабская любовная поэзия.

Этот миннезанг в действительности так своеобразен, он даже исключительно арабский и настолько сильно прочувствован именно по-арабски, что различные имитации его неповторимого очарования должны были оставаться лишь внешней модой, которая пользовалась пустыми формами. Так как отношение человека к божественному всегда соответствует также отношению и поведению любящих друг к другу, отношению мужчины и женщины. Отношение ислама, это значит: отношение покорности и покорной преданности верующего воле бога соответствует также отношению унижающего самого себя, покорно покоряющегося милости высокого, подобного богу возлюбленного, покоряющегося его воле любящего. Глубоко прочувствованный эрос часто настолько сильно похож на религиозный эрос, что любовную лирику и религиозную лирику едва ли можно различить. Уже в пустыне, перед провозглашением ислама, эта нежная, часто почти одухотворенная любовь расцветала у племени удри в стихах поэта пустыни Джамиля, посвященных им прелестной Бутейне: «В духе связанный с ее духом, прежде чем мы сотворим», любящие не могут преодолеть, тем не менее, вражду их родов. Все же, его любовь так сильна и, тем не менее, так смиренна и покорна в поклонении недостижимой, и в уверенности в том, что она преодолевает также земную разлуку и даже смерть.

Теоретик арабского искусства любви, андалузский философ Али Ибн Хазм, описывает в своей книге о теории и практике любви «Ожерелье голубки»:

«К самому чудесному, что происходит в любви, относится покорность любящего своей возлюбленной... сцена, в сравнении с которой недостаточны все описания... Я ступал на ковер халифов и присутствовал на собраниях королей, однако, я не испытывал преданности, которая сравнится с преданностью любящего своей возлюбленной. Я бывал там, где люди просили прощения у султанов, и

где люди обвинялись в самых тяжелых преступлениях, но я не видел еще ничего, что унижалось бы больше, чем безумно влюбленный перед его сердящейся милой, которая наполнена злобой и охвачена неласковостью...»

Любящий хочет, чтобы его возлюбленная была высокомерной, капризной, даже жестокой, именно для того, чтобы доказать ей свою преданность, чтобы из глубины, в которую она, сердящееся божество, его столкнула, ее милость подняла его.

Мучь, поступай несправедливо, избегай!

Все же, ты прекрасна во всем!

И делай то, что хочешь!

И что бы ты ни делала,

это идет тебе.

Я выстою,

хочешь ли ты теперь или нет,

и выдержу твоё неприступное поведение.

(Мудгалис)

Будь высокомерна: я вынесу это.

Будь горда: я перенесу это.

Чванься: я смирюсь.

Отворачивайся: я повернусь к тебе.

Говори: я буду слушать.

Приказывай: я повинюсь.

Так заклинает самый большой миннезингер Андалузии, Ибн Зейдун (Ибн Зайдун), госпожу своего сердца, Валладу, к которой он сватался всю жизнь – «с тех пор, как я стал твоим рабом в любви» -

Я не знал, когда я позволил тебе господствовать над моим сердцем,

что я искал смерть своими собственными руками.

Посмотри на меня милостиво,

Тогда ты пробудишь твоей милостью к жизни,

То, что ты еще не убила во мне.

В то, что источники миннезанга возникли в арабском мире, тем не менее, Запад никак не хотел заставить себя поверить. Только в 1920-х годах и при представлении диссертации автора этой книги в Берлинском университете Гумбольдта в 1939 году предубеждения немецких ученых против арабских истоков пробились открыто – как мы еще услышим.

Самоосвобождение арабских женщин от чужого проникновения

В Испании в 1492 году закончилось арабское господство и еще неискаженная арабская культура, тогда как в результате чужеземных вторжений сначала из Азии турок и монголов в исламский мир, затем османского турецкого военно-имперского господства и, наконец, европейского колониализма наступает большой склероз и культурный застой. Только смена турецкого колониализма европейским – французским, английским и итальянским – колониализмом вызвало стремления к эмансипации женщин по европейскому образцу. Но борьба с огромной властью традиции якобы предписанных Аллахом заповедей и многовековых традиционных прав мужчины потребовала сверхчеловеческих усилий. За исключением подвигов немногих отдельных первопроходцев, только в послевоенное время эти идеи смогли получить некоторое распространение и уже скоро снова утратили его – по существу четырьмя путями: Опрос Корана открыл проникновение чуждых влияний, которым женщины напрасно покорялись, и признал правоту тех, кто занимался их освобождением на почве ислама, как например, в *Египте*. *Ирак* и *Сирия* ориентировались на идеологию социализма. В решительном антиклерикальном движении за отделение религии от государства, подобно новой *Турции*, *Тунис* опирался на европейские образцы и законы. Группа фундаменталистских государств продолжала придерживаться пуританских обычаев, как ваххабитская *Саудовская Аравия*, или вернулась к ортодоксальным формам как *Иран* Хомейни, страна происхождения паранджи и раздельного воспитания, которая только продолжила свою собственную традицию. Так, аятолла заявил еще во Франции: «В этом я консервативен. В исламской республике женщины смогут участвовать в выборах, смогут работать и получать образование – но это должно происходить в подобающей одежде, с минимальной чадрой и, по возможности, отдельно от мужчин». Но вернувшись в Иран, он категорически потребовал от женщин «появляться на работе перед мужчинами в чадре или яшмаке» (платок, закрывающий лицо). Что вызвало продолжавшиеся много дней демонстрации тысяч молодых женщин, прекратившиеся лишь после того, как в уличных стычках на женщин набросились размахивающие дубинками мужчины.

(В настоящее время в Иране все женщины, включая иностранок, должны носить платок. – прим. перев.)

Полную противоположность предлагает управляемый партией БААС *Ирак*, светский президент которого Саддам Хусейн, еще будучи вице-президентом и опираясь на свои социалистически-материалистические принципы, провозгласил «полное освобождение женщины как одну из основных целей партии и революции»: «Любая изоляция или ограничение участия женщины в обществе означает лишение страны половины ее интеллектуального, производительного и военного потенциала».

С основанием республики в 1953 году *египтянки* после трудной борьбы добились юридического и социального равноправия, хотя на практике, впрочем, мало что изменилось. Непереоцениваемой движущей силой была Джихан эль-Садат, жена президента Анвара Садата, которая разными способами активно защищала интересы своих египетских сестер и придавала им смелости: «Оставьте старые, унаследованные, негативные традиции и ценности. Работайте самостоятельно и помогайте поднять уровень жизни ваших семей. У вас есть больше прав, чем вы думаете!» И действительно успехи значительны. Еще недавно в равной степени умная и красивая профессор международного права доктор Аиша Ратеб представляла свою страну в качестве посла в Бонне и привела туда с собой четырех молодых женщин-дипломатов.

Какое опасение накапливается все же у многих мужчин, вырывается в закликающих словах *алжирского* министра по делам религии Мулуда Касима: «Творите во всех областях, но не разрушайте. Не отрезайте мужчине его усы, чтобы сделать из них поводок, не переделывайте его достоинство в бессилие. Избегай отвечать, о, женщина, мужчине: Я независима и свободна – ибо ты ведь зрачок в его глазах, жемчужина и драгоценное украшение в его сердце!»

В каком душевном замешательстве находятся многие пассивно оказавшиеся между традицией и освобождением от традиции женщины, описывает египтянка Латифа ла Зайат: «Наши матери точно знали свое положение, но мы – мы потеряны. Мы не знаем, принадлежим ли мы к гарему или нет, разрешена любовь или запрещена, хорошо это или плохо. Наши родители говорят, что любовь запрещена. Но наше правительственное радио день и ночь передает песни о любви. Наши книги говорят, что мы свободны – но если мы принимаем это всерьез, наша репутация утрачена. Разве может так продолжаться?»

Ливанка Лейла Баальбаки нашла надежный компас: «Мы сами удовлетворим наши потребности, которые происходят из нашей самой внутренней природы.

Наша самая внутренняя природа, это и есть наше наследие. Но наше наследие – это кое-что иное, нежели наше прошлое, от которого мы отказываемся. Мы твердо верим в то, что *путаница наследия и прошлого* принесла нам в истории большой вред».

Когда на Исламском конгрессе меня спросили, какой совет я дала бы арабским женщинам, то я посоветовала им так. Когда они снимают с себя прошлое вместе с чадрой, им не стоит брать себе за образец европейку, американку или русскую, или руководствоваться какими-то идеологиями, так как это привело бы только к новой отчужденности и потере их личности. Им стоит вспомнить о настоящем, нефальсифицированном исламе, и о женщинах их ранней истории, когда они жили еще согласно их собственному существу и закону, заимствовать у них их ценности и критерии, согласовывать их с сегодняшними нуждами и с заданием стать матерями завтрашней самостоятельной арабской молодежи. Однако особенный вызов изображало лицо палестинки в оккупированной Палестине. «В то время как мужчины тысячами сидят в лагерях для пленных, в обязанности женщин вменяется содержать семью, воспитывать детей, защищать себя и семью от злоупотреблений жестокой солдатни. Женщины, таким образом, выросли не только в новые роли, но и в общественные руководящие позиции. Они на всех мыслимых уровнях участвовали в Интифаде, – освободительной борьбе – они даже во многом самым решительным образом создали ее и придали ей форму. Женщины Палестины сами пишут историю. Они сами принимают решения в социальных процессах; они возглавляют народные комитеты, они организуют кооперативы и цеха; они создают и занимают рабочие места. И они как женщины – мученицы, раненые, арестованные, пытаемые. Для будущего самым важным будет то, что женщины Палестины определяют свою судьбу и судьбу своей страны. Свобода и равноправие женщин когда-нибудь станут критерием, по которому будет измеряться уровень свободы всей страны».

ГЛАВА V

Сожжение Александрийской библиотеки

Один очевидно неискореняемый исторический подлог, который, несмотря на многократные разоблачения, еще год назад повторила одна большая ежедневная газета, звучит так: Когда в своих бурных нашествиях армия арабских борцов за веру под руководством ее полководца Амра ибн Аль-Аса захватила Египет и вступила в Александрию, он приказал сжечь древнюю библиотеку «Музейон» с 700 000 свитками и уничтожил самые ценные сокровища знания человечества из греческой античности. Халиф Омар «в его наивной мудрости» яко-

бы дал такой приказ: «Если в этих книгах нет ничего, кроме того, что и так уже есть в 'Книге книг', Коране, то они бесполезны и их не следует сохранять. Если же они противоречат Корану, то они вредны и должны быть уничтожены. По исламским основным правилам должна существовать только одна книга» – «книга бога», т.е. Коран.

Что же на самом деле было с этим варварским уничтожением незаменимого знания, которое еще сегодня волнует умы и обливает ледяным презрением невежественных варваров, презирающих ценные сокровища человечества? Что говорит об этом история?

Мусейон, основанная царем Птолемеем I Сотером в 300 году до Р. Х. в Александрии академия, место сосредоточения эллинистических наук, с его большой библиотекой – почти миллион книг в свитках, которая должна была собрать все, что было написано на греческом языке, – этот всемирный центр самых всеобъемлющих знаний тех времен, сгорел еще в 47 году до Р. Х. при осаде города Цезарем. Клеопатра снова собрала кое-что из библиотеки из Пергамона.

Но в третьем веке начинаются планомерные уничтожения. Император Каракалла распускает академию и учиняет над учеными кровавую расправу. Остаток библиотеки был уничтожен в 272 году после Р. Х. религиозными фанатиками как «языческое творение», когда христианский патриарх закрывает Мусейон и изгоняет его ученых. В 366 году император Валент превращает Цезареум в церковь, его библиотека была разграблена и сожжена, его философы преследуются из-за колдовства и магии. В 391 году патриарх Феофил в процессе преследований язычников добивается от императора Феодосия разрешения разрушить последнюю и самую большую академию, Серапеум, всемирно известное место паломничества для античной мудрости, предать огню примыкающую к нему библиотеку с 300 000 свитками книг, и соорудить на этом месте церковь и монастырь. Уничтожение языческой философии и науки продолжила возникшая в пятом веке в Александрии террористическая группа фанатичных хулиганов – как бесстыдно признают более поздний патриарх Антиохии Север и его друг – с нападениями на языческих ученых, культовые места и уничтожение их библиотек.

(Именно от рук этих фанатиков, погромщиков-параволанов, погибла в начале пятого века женщина-ученый, египетская гречанка Гипатия (Ипатия). Ее история послужила основой сюжета фильма «Агора» (2009). – прим. перев.)

Когда арабы в 642 году вступают в Александрию, античных библиотек там давно уже нет! Пепел сотен тысяч греческих книг-свитков Мусейона, «великой со-

кровищницы античной литературы», которые якобы были «буквально сожжены» арабами, да, даже больше того, которые якобы шесть месяцев подряд использовались «как топливо для растопки общественных бань» – бань, которых тоже вовсе не было во враждебной к человеческому телу христианской Александрии! – северный ветер за шесть столетий далеко развеял по пустыне!

Насколько упрямо держатся предубеждения об арабах, даже с каким наслаждением расписываются исторические фальсификации о них вплоть до деталей с самыми дикими выдумками, показывает эта духовная Катынь, в которой, вопреки случайным опровержениям отдельных историков, исторические факты, по видимому, зарыты навсегда. Еще в 1989 году в Германии отказываются посмотреть в лицо исторической правде, которая открыта для каждого. Вместо этого снова с удовлетворением и нравственным отвращением к жестоким преступлениям по отношению к духовным ценностям человечества повторяют то, что в тринадцатом веке один охваченный духом крестовых походов араб-христианин нафантазировал об уничтожении собрания книг палестинского портового города Кесарии при ее захвате Амром и просто перенес этот продукт собственной фантазии на Александрию. При этом самому выдающемуся мусульманскому халифу Омару ибн аль-Хаттабу, государственному деятелю большого масштаба и высоких моральных качеств, приписывают «наивную мудрость» непревзойденно узколобого невежества. То, что в этом рассказе дальновидному Омару достаточно неуклюже вкладывают в уста слова о «Книге книг», как называют Библию (по-гречески biblos = книга), но никогда не обозначают Коран, да еще и обоснование, которое специфически относится к образу мыслей и стилю соответствующих сентенций отцов церкви, это с головой выдает христианского автора и в трех моментах противоречит историческим фактам:

1. «По исламским основным правилам» якобы должна существовать «только одна книга». Однако существуют и существовали уже наряду с «Кораном», божественным откровением, для его необходимого дополнения «Сунна», «обычай», предание, излагающее примеры из жизни Мухаммеда как руководство для всех мусульман, и «Хадисы», сборник высказываний пророка.

2. Сам халиф Омар опровергает приписанное ему жестокое невежество и нетерпимость. Ибо именно он сформулировал договор для всех завоеваний чужих стран. Как раз такой договор его полководец Амр заключил после предшествовавших переговоров и сдачи без боя, которая и без того в соответствии с указаниями пророка исключала любой грабеж и разрушение, договорившись о мире с византийским патриархом Кирилом в Александрии. По дальновидности и терпимости этот договор превосходит все заключения мира до и после него. Библия во Второзаконии (Пятая книга Моисея) 7,5-16 приводит указание Моисея,

которое он дал своему народу при его походе случайно как раз в противоположном направлении – как Амр и его арабы – за 1800 лет до них из Египта в Ханаан. В этой инструкции об их поведении по отношению к иноверным хананеянам и их культовым местам говорится:

«Но поступите с ними так: жертвенники их разрушьте, столбы их сокрушите, и рожи их вырубите, и истуканов [богов] их сожгите огнем»

(Второзаконие, 7,5)

Также сами народы должны быть уничтожены:

«И истребишь все народы, которые Господь, Бог твой, дает тебе: да не пощадит их глаз твой; и не служи богам их, ибо это сеть для тебя».

(Второзаконие, 7,16)

Арабский же мирный договор халифа Омара для всех завоеваний, который полководец Амр при вступлении в Александрию заключил с патриархом Киром, звучал, в том, что касалось поведения по отношению к христианам, так:

«Этот договор охватывает всех христианских подданных, священников, монахов и монахинь. Он предоставляет им безопасность и защиту, где бы они ни находились. Также внешняя защита должна предоставляться их церквям, жилью и местам паломничества, а также тем, кто посещает эти места».

3. Все же, халиф достаточно хорошо знал о воодушевленном интересе пророка, своего зятя, к любому знанию, к нужной информации, которая могла расширить познания мусульман. Сохранился призыв самого Мухаммеда, переданный как хадис, который обязывал всех верующих, прежде всего его самого:

«Получайте знания также из уст неверного!»

«Ищите мудрость, даже если она приходит из Китая!»

Ввиду такой широкой терпимости, широты интересов и открытости чужим знаниям, откуда бы они ни поступали, сочинение приказа о сожжении книг, в которые «нет ничего, кроме того, что и так уже есть в Коране», из-за чего они «бесполезны», кажется не менее «наивным»!

«Ищите знание – даже если оно исходит от неверных»

Мусульмане со страстной заинтересованностью принялись исполнять поручение своего пророка. Сура 20, 114 говорит:

«и говори: «Господи! Приумножь мои знания!»».

Ислам формирует и регулирует всю жизнь во всех областях. И он сам высказывает первые требования к науке. Какие бесчисленные задачи были поставлены молодому государству! Каких знаний требовали уже одни только ежедневные культовые обязанности? Определение пяти времен молитвы, измерение направления молитвы для каждого места в огромной исламской империи, определение сдвигающегося каждый год месяца поста, Рамадана, и продолжительность поста – т.е. наблюдение за положением Солнца, расчет движения Луны, создание и использование астрономических инструментов, итак, астрономия и механика, искусство измерений и вычислений.

Бесчисленны задачи требовательных будней, которые также нужно было принимать очень всерьез, как, например, задание заботиться о чистоте, излечивать больных, предотвращать среди миллионов людей эпидемии в городах, испытывать новые и лучшие лекарства, их изготовление, их смешивание, их показания.

Поэтому самым важным стало овладевать любым существующим обучением и – что пророк сделал для них священным долгом:

«Приобретать знания, из какого бы источника они ни происходили»,

ибо, так он говорил:

«Тот, кто стремится к знанию, поклоняется богу».

«Получайте знания также из уст неверного».

и:

«Кто покидает свой очаг в поисках знания, тот идет дорогой бога».

Так что он мог заявить:

«Чернила ученика более святы, нежели кровь мученика».

То, что вместе с тем Мухаммед и ислам пошли совсем в другом направлении, чем христианский мир – «пробивали» совсем другой путь в чаще незнакомого царства мира и природы, это позволило арабам опередить Западную Европу на

пять-шесть веков. Если бы церковь не объявила словами Павла «мирскую мудрость глупостью», если бы она не объявила «падением в грех» любопытствующее желание узнать больше – как отцы церкви возражали против исследований и науки, если бы она не повторяла за Тертуллианом, что «после Иисуса Христа людям не подобает быть любопытными и заниматься исследованиями, после того, как Евангелие было провозглашено», но нужно обратиться скорее к библейскому откровению, которое только одно могло бы просветить душу, что означало, что человек, предающийся исследованию природы, злоупотребляет силами духа – то сове Минервы на Западе не пришлось бы начать свой полет только в поздних сумерках, в то время как она уже начала поднимать крылья на Ближнем Востоке, когда люди могли отличить белую нить от черной.

«Передавшие наследие греков»

Для арабского мусульманина всё было требованием искать «знания от колыбели до могилы», как называл это пророк: да, очень дословно взяться за поиск того, что еще сохранилось от рассеянного, не совсем сожженного знания греков. Серьезная необходимость – после того, как христианская нетерпимость и изгнание язычества в Александрии и в сотнях других мест переродилось в уничтожение самых ценных библиотек, нужно было обшарить древнюю культурную область, собрать остатки, перевести их, улучшить, разъяснить, прокомментировать и продолжать строить на старом, с учетом новых нужд религии, общности, государства.

Это тот бессмертный культурный подвиг, за который мир должен благодарить арабов. Они – не римляне, не византийцы, не христианские группы как копты, несториане или монофизиты – вытащили культуру, греко-эллинистическую, которая уже частично была уничтожена рьяными борцами с наукой, частично тлела и собиралась погибнуть навсегда как культура майя и инков, буквально из-под обломков и из разрушающихся подземелий, находили ее в замурованных веками, использованных не по назначению строениях, выкупали как возмещение при заключениях мира или приобретали дипломатическим путем.

Спасенные ими произведения они вовсе не спрятали под замком, герметично законсервировав вдали от солнечного света, а заново оживили и оплодотворили их, поручив это дело – начиная уже с омейядского принца Халида ибн Язида примерно в 680 году – греческим и арабским переводчикам. Более поздние властители основывали настоящие академии переводчиков, в которых драгоценные знания переводились на понятный также простому человеку язык, на арабский язык. Поэтому получилось так, что арабы спасенное от христианских ревните-

лей уничтожения, отнятое от забвения греческое наследие в двенадцатом-тринадцатом веках посредством школы переводчиков в Толедо передали христианскому Западу, которому оно срочно требовалось.

Это было одним из их великих культурных деяний, но оно ни в коем случае не было единственным, как историки культуры хотели бы заставить поверить мир. Эти историки слишком настойчиво сводят их заслуги только до заслуг курьера. В вопросе отношения арабов к науке представления историографии расколоты: арабы – это разрушители греческого наследия, говорят одни; нет, они передали наследие греков, говорят другие. При этом предполагают, что воздали им должное, упомянув их среди культурных наций, как будто они были кем-то вроде курьеров, которые просто перенесли греческие документы с одного этажа на другой. Таким было традиционное представление историков культуры, пока в 1960 году «Солнце Аллаха над Западом» не пересмотрело основательно это предубеждение. Большая *«История культуры Европы от античности до современности»* с ее 752 страницами вообще не упоминает ни арабов, ни мусульман или «магометан», не говоря уже о пророке Мухаммеде или исламе, в алфавитном указателе с больше чем 5000 записями. А Артур Кёстлер обобщил обычное к тому времени знание в своей более чем 550-страничной *«Истории возникновения нашего познания мира. Лунатики»* в 1959 году в этих четырех предложениях:

«Арабы были лишь посредниками, хранителями и передатчиками наследия. Они владели только незначительной научной самобытностью и творчеством. В течение столетий, когда они были единственными хранителями этого сокровища, они сделали совсем мало, чтобы реализовать его с пользой... Они, между тем, не способствовали теоретическим знаниям.

Это странный факт, что эта арабско-еврейская монополия на наследственное имущество, продолжавшаяся от двух до трех столетий, осталась бесплодной».

«Они не способствовали теоретическим знаниям»?

Но арабы как раз отнюдь не были только почтальонами греческого наследия. Они ведь сами не остановились на уровне своих предшественников, рабски, пассивно принимая его, механически подражая им. Перед лицом этого противоречия проявляется вся важность того фундаментального познания, которое в случае восприятия и перенимания чужих культурных творений учитывается лишь очень немногими занимающимися культурой учеными, и без учета которого, как здесь, возникают совершенно ошибочные оценки. Познание того, как и почему культура творчески продолжает развиваться дальше или остается «бес-

плодной». Культура – это не производство штампованных копий. Каждая культура, если она творчески подхватывает наследство другой культуры, – а ведь греки тоже уже наследники, наследники Египта и Переднего Востока, и это также справедливо и для них – подхватывает только то, что покоряется хватанию их собственной руки и что соответствует их собственной потребности и интересам, но также и их собственной манере понимания и мышления или приближается к этой манере. Каждый народ творит *по-своему*.

Поэтому неправильно попрекать арабов в том, что они не продолжили то, что отличало греков – их основывающуюся на их специфически греческих духовных структурах философию или их, греческую, великую драматургию. Вместо этого арабы создали *свою* неповторимую культуру, и в ней науку, которая не просто продолжает, двигаясь и дальше по тем дуалистическим умственным путям, скорее она характерным способом отличается от греческой и индийской. Это выражалось уже в том, что каждый из этих трех народов самым разным способом обращается к миру и его предмету исследования. Короче, для этого нужна психология народов. Потому что передача духовного достояния не является механическим актом. В счастливой противоположности к исключительному обращению к субъекту в *индийском* мышлении, как и к *греческому* немедленному поднятию частности до общего, возвышению отдельных фактов до чистой идеи, арабский дух обращается к фактам реального мира. Греческий дух направлен не на факты. «Его исследования были посвящены их наивысшим принципам, и его теоретические исследования двигались в области чистого мышления, свободные от материальных влияний» – эти слова о Пифагоре описывают греческий образ мыслей крутого взлета над миром фактов к духовному воззрению чистой идеи.

В противоположность этому *араб* как бы босиком систематически идет по очень солидному в научном отношении пути через мир индивидуальных фактов, по пути опыта и неутомимого наблюдения, измерения и математической обработки, терпеливого подъема от частного к общему. Если грек был по существу натурфилософом (с некоторыми исключениями), то араб был естествоиспытателем в узком смысле и изобретателем естественнонаучного эксперимента. Он возделывал новые поля своим инструментом и начал исследования. Он был, как приведено в «*Солнце Аллаха над Западом*», основателем экспериментальной органической и неорганической химии и фармакологии, физики, в частности, оптики и механики, алгебры, расчета чисел и арифметики в сегодняшнем смысле и сферической тригонометрии, геологии, социологии и религиозной философии.

Со своим реалистическим и методическим наблюдением за природой арабы далеко опередили своих предшественников, китайцев, индийцев и греков во всех

тех областях, которые также всегда были необходимы для практического применения и для практической жизни и которые соответствовали их формированию знаний – такому формированию знаний, которое непосредственно задавало вопросы самой природе, и не с помощью предположений, умозаключений и теории, как это любил Аристотель – а с помощью созерцания, наблюдения, измерения и математики.

Отсюда это сознательное продолжение средневекового, враждебного к арабам черно-белого изображения. Если греческое знание выбирают в качестве критерия для способности творить культуру, то арабам отказывают в «научной самобытности и в творчестве», объявляют их бесплодными и нетворческими, недостойными дальнейшего внимания, когда речь идет о возникновении наших знаний о мире.

Благодаря их близости к природе и реальности, арабы как в систематическом изучении природы, так и в бесчисленных отдельных познаниях с помощью опыта, наблюдений и терпеливого экспериментирования добились значительных самостоятельных результатов, сделав ценные открытия и многочисленные изобретения.

При этом они вовсе не боялись подвергать греческие тезисы, полученные преимущественно путем предположений и рассуждений, бесчисленным перепроверкам и критике, и много раз их корректировали. Из множества подобных примеров приведем только три. Анатом из окружения султана Саладина, Абд Аль-Латиф, обнаружил и исправил сразу две ошибки Галена. Его преемник в больнице и руководитель врачей Каира Ибн ан-Нафис разоблачил как чистую фантазию догму Галена о порах в сердечной перегородке и исправил это заблуждение своим открытием малого круга кровообращения. Физик Ибн аль-Хайсам, основатель экспериментальной оптики, на основе своего гениального исправления теории Евклида и Птолемея о мнимых «лучах зрения», которые якобы излучал глаз, сформулировал огромное количество оптических знаний и законов и предоставил в распоряжение Западу почти полное учение о лучах, включая применение линз, луп, зеркал любого вида, «камеры обскура», прожекторов и т. д.

Что из этого – этими пятью путями:

- на кораблях и в головах отправлявшихся в дальние путешествия купцов, крестоносцев и паломников,

- через подчиненную арабам на протяжении 250 лет Сицилию и двор большого друга арабов императора Фридриха II Гогенштауфена,
- через населенную арабами на протяжении 800 лет испанскую Андалузию,
- через школу переводчиков в Толедо,
- через бродячих студентов, послов, путешествующих евреев, паломников и торговцев,
- что, как говорилось, из достижений арабских медиков, физиков, химиков, математиков, астрономов, геологов и технических изобретателей попало на систематически поддерживаемый духовенством в слаборазвитом состоянии Запад, то пролилось над Европой как дождь над жаждущей землей и разнообразными способами на протяжении нескольких столетий оплодотворило европейские народы и дало им сильный толчок к их собственным исследованиям.

И это – второй, необыкновенно более богатый дар, за который Запад и мир должны благодарить арабов. Богатыми результатами своих исследований и своими методами исследования арабы дали необходимые импульсы, с девятого века впервые инициировав зажатое и парализованное крайней церковной нетерпимостью, запретами и преследованиями стремление к исследованиям, которое смело прочь греческую и библейскую слепоту к реальности и схоластическую зависимость от авторитетов и помогло европейскому изучению природы прийти к своему мощному самостоятельному развитию.

Арабское наследие между свободой и тюрьмой

Принятие чужого, наук, созданных преданными поруганию врагами веры, было разнообразным и напряженным. Воодушевление смешивалось с жестким отказом, страстной тяге к знаниям противостояло ревностное недоверие, воспринимаемому с радостью облегчения выбору новых открывающихся дорог препятствовали обвинения в ереси, преследования и тюрьмы. Непосредственное известие услышали от Пьера де Марикура из Пикардии, прозванного Петром Перегрином, паломника, который при возвращении с Ближнего Востока сошел на берег в Сицилии. Здесь ему представился случай применить свои специальные технические знания арабских осадных машин при осаде как раз штурмуемой крепости Лучера. Здесь же он, между делом, написал также свое маленькое, ставшее широко известным произведение «Epistola de magnetis» («Послание о магните»). Это была первая в Западной Европе научная статья о систематически исследуемом Джабиром ибн Хайяном магнетизме и магнитном компасе, с

помощью которого арабы, согласно оценке китайцев, уже с девятого века умели находить направление на море в ночной тьме.

Насколько мы знаем, церковный надзор никак не преследовал Петра, в отличие от его знаменитого ученика, молодого англичанина, судьба которого по причине его большой страсти ко всему арабскому стала одной из самых потрясающих, похожей на судьбу Джордано Бруно.

Роджер Бэкон из Сомерсета (1211-1294) усвоил универсальные на то время знания. Так как господствующий всюду догматизм и слепо поклоняющаяся Аристотелю вера в авторитеты, схоластическая мелочность и сухая диалектика вызвали у него отвращение, он удаляется в более открытый миру Оксфорд. Здесь произведения арабов передаются из рук в руки. Здесь Бэкона воодушевляют более свободный взгляд на реальность, опирающаяся на опыт встреча с настоящими вещами, осязаемое обращение с объектами и инструментами, их исследования и эксперименты.

И очень важно было опираться на экспериментирование как метод исследования, чтобы находить законы, как это делали арабские исследователи, такие как Ибн аль-Хайсам и Аль-Кинди. И на математику, чтобы формулировать законы и подвести их к практическому применению.

С визионерской силой мысли Бэкон проектирует новые, будущие изобретения и разработки в развитии арабской и своей собственной технической фантазии. Неудивительно, что он из-за своей самовольной возни с творением бога вызывает подозрения у своих братьев по францисканскому ордену. Тем более опасно, что во времена крестовых походов он выступает не только с протестом против бесчеловечности по отношению к его арабам, но в то же время еще и ссылается постоянно на арабов и евреев и упоминает сразу тридцать мусульманских имен... Его настоятели осуждают этого весьма подозрительного и презиращего всех святых авторитетов отступника и на десять лет изгоняют его из Оксфорда. Ссылный Бэкон отправляется в Париж, и там он к своему счастью и на свою же беду встречает свою судьбу в лице француза Ги Фулька ле Гро, бывшего секретаря и придворного юриста короля Людовика IX Святого. Француз, только что вернувшийся из шестого крестового похода, был еще переполнен глубоко потрясшим его и его короля зловещим огненным нападением «летающего по воздуху оружия, которое производит подобный грому шум». Нападения христианских захватчиков не давали покоя мусульманам, пока те после длительных экспериментов не научились производить на тайных пороховых фабриках химические боевые средства, с помощью которых они добились решающего превосходства над франками и при Дамьетте подготовили врагам

очень горячий прием. «Это было так, как будто молнии падали с небес, и большие драконы летали по воздуху», писал французский военный хронист Жуанвиль «Все вокруг было сплошным огнем и пламенем... Каждый раз, когда снова разрывался снаряд, король Франции был глубоко поражен и восклицал: 'Боже милостивый, господь Иисус Христос, сохрани меня и моих людей!'». Это сообщение нового друга, в котором Роджер Бэкон находит родственного по духу в открытости и восхищении изобретательностью арабского мира и истинного свидетеля и очевидца, отражается в одном из его главных произведений («Большое сочинение», VI 2):

«Важные искусства были открыты против врагов государства, которые без меча или иного оружия, требующего физического соприкосновения, могут уничтожить всех, кто сопротивляется».

Едва Роджер Бэкон по истечении десятилетней ссылки возвратился в Оксфорд, как он получает тайное послание из Перуджи в Италии. Его к тому времени ставший архиепископом Нарбона (снова отвоёванного после длительного пребывания в арабских руках пограничного города) французский друг только что был избран папой под именем Клементя IV. Тайком, безотлагательно и не давая сбить себя с толку руководителям ордена – так новый папа пишет в 1265 году Роджеру Бэкону – Роджер должен прислать ему свои произведения. Но этот неповторимый, неожиданно представившийся ему счастливый случай, возможность пробить своими идеями стену молчания и запретов, даже получить содействие от высшего руководителя христианского мира, заканчивается ничем, более того, он превращается в самую глубокую беду.

Так как он боится не закончить свое «Большое сочинение» («Opus Majus») своевременно, он сокращает его до более короткого труда, «Малого сочинения», а тот, в свою очередь, до еще более краткой версии. Наконец, едва он успел отправить то и другое в Рим – на эту работу у Бэкона ушло три года – как в 1268 году его покровитель, папа, умирает.

Его орден наказывает Бэкона за непослушание, за то, что он напрямую установил контакты с Апостольским престолом через головы своих начальников, за его еретическое общение с неверующими «врагами бога», за непокорность с запрещенными ему занятиями с использованием дьявольских инструментов, за записи его экспериментов, открытий и проектов будущего, за его постоянную и беспощадную критику схоластического школьного образования. Подозрительно-го «фокусника» Роджера Бэкона осуждают на пожизненную тюрьму, пока несчастный – после пятнадцати лет в темной и сырой темнице – не умрет жалкой смертью в 1294 году.

«Только животные следуют за веревкой, за которую их держат. Так и авторитет 'писаний' также ведет многих из вас, потому что вы связаны вашим животным легковерием», так Роджер Бэкон указывал своим современникам на их недостатки. Он подхватил слова одного своего земляка, который уже за 120 лет до Бэкона выучил арабский язык, путешествовал по арабским странам, посещал арабские высшие школы и усердно изучал там арабские естественные науки: Аделарда Батского (1090-после 1160) из норманнской семьи. В смущении и ужасе вернувшись из просторов и свободы арабского духовного мира в душную атмосферу родины, Аделард в своем произведении «Вопросы к природе» возмущенно и гневно выступил против ограниченных людей, мешающих любому познанию природы и их авторитарного подавления разума. Здесь он излил душу в тяжелом вздохе, который через столетие после него из глубины своего мучения повторил Роджер Бэкон, которому сковали даже как дух, так и тело:

«Если мы упустим познакомиться с чудесной, разумной красотой вселенной, в которой мы живем, то мы заслужим того, что нас вышвырнут из нее, подобно гостю, который не может отдать должное дому, в котором его принимают.

Я как раз кое-что узнал от арабских учителей об управлении с помощью разума. Однако ты следуешь за картиной авторитета, как привязанный за недоуздок... Когда животных ведут за недоуздок куда-либо, то они не могут различать, куда и из-за чего их ведут, и они только следуют за веревкой, за которую их держат. Так и авторитет 'писаний' также ведет многих из вас, потому что вы связаны вашим животным легковерием».

Плагат – присвоение арабской интеллектуальной собственности

Как уже было сказано, восприятие произведений арабов, которые с одиннадцатого века, особенно в двенадцатом веке, устремились на Запад, было противоречивым. Существовали некоторые кружки, оазисы обращенных к природе исследований, например, школы Шартра, Реймса, Аугсбурга, Кёльна, Райхенау и Оксфорда, где эти труды жадно изучались. Причем произведения арабов обладали таким авторитетом, что – как признавался Аделард Батский – он, чтобы его собственные идеи были восприняты, часто приписывал их арабским авторам.

С другой стороны достижения врагов веры еще долго время наталкивались на возбужденное резкое неприятие и подозрение, в немалой степени вызванное чувством зависти. Благодарить именно их, ненавистных и презренных, за что-то, тем более позволять им учить себя, было бы не только унижительно, это да-

же означало признать их превосходство, в конечном счете, еще и быть обязанным им.

Итальянец Флавио Джойя из Амальфи якобы изобрел компас в 1302 году – так неутомимо заявляла наша история культуры, пусть даже сегодня уже не столь убежденным тоном. То, что еще в восьмом веке Джабир ибн Хайян экспериментировал с компасом, и арабские моряки, согласно самому раннему из дошедших до нас источников уже в 854 году брали его с собой в большое плавание для определения курса, за пятьсот лет до итальянца, это никто не хотел слышать. Чем признать приоритет арабов, предпочли приписать это изобретение китайцам. Родной город Флавио Амальфи как первый морской город, наряду с Венецией, вел активную торговлю с дружественными арабами, от которых он познакомился с полезным указателем пути только на 33 года позже, чем Пьер де Марикур – который в своей работе «Epistola de magnetis» уже приводит рисунок компаса с арабскими цифрами, и, возможно, внедрил его в западноевропейское мореплавание.

Само собой разумеется, изобретателями пороха тоже не могли быть арабы! Здесь нужен был европейский, еще лучше: немецкий изобретатель, которому можно было присудить сей славный титул, превратившееся в поговорку доказательство самого высокого интеллекта! Лучше всего, естественно, для этого подходил монах, если не нужно было также происхождение пороха снова выводить от китайцев. Францисканец Бертольд Шварц был выбран для того, чтобы взять на себя роль окутанного тайнами монаха, который якобы изобрел порох в 1359 году в своей тесной келье. Только вот, разве пушки арабов уже в 1325, в 1331 и 1341 годах в Испании не вызвали своей стрельбой ужас и панику в рядах собравших здесь из Европы рыцарей? Да, не дрожали ли король Франции и его армия уже на сто лет раньше в панике от конца света, который в громе снарядов всю ночь сверкал над Нилом? Китайцы также здесь мало что дали для авторского права. В решающих сражениях между монголами и древним Китаем в 1232 году китайцы применили зажигательные насадки для стрел. В 1270 году монгольский хан Хубилай (Кублай-хан) применил огнестрельное оружие, использовавшее порох, для изготовления которого он попросил у арабского султана прислать ему арабских инженеров из Баальбека и Дамаска. С помощью этого оружия он добивается победы. Не какой-то опытный в черных искусствах монах, фамилию которого «Шварц» – «черный», вероятно, так же выдумали, как и самого мнимого изобретателя, скорее сам западноевропейский христианский мир, который все новыми волнами нападал на арабские страны, и горькая необходимость защищаться от неистовства нарушителей мира были поводом изобретения пороха и вскоре усовершенствованного его изготовления, о чем свидетельствуют военные книги Хасана ар-Раммы и другие произведения,

включая труды уже Роджера Бэкона. Уже в 1346 году битва при Креси между англичанами и французами с помощью арабской чертовой трубы положила конец эпохе рыцарских боев. За четыре года до того, как порох якобы изобрел фантом Бертольд, которого столетиями доверчиво почитали за его гениальность на службе военной технике.

Искушение приписывать авторство арабских достижений европейцам более всего закрепилось в медицине, в сфере, в которой существовала особенно большая необходимость наверстать упущенное. «В медицине», так подтверждает в 1500 году Агриппа Неттесгеймский, который кельнским пареньком носил имя просто Генрих Корнелий,

«арабы стали настолько известными, что их считали изобретателями этого искусства. И они также легко могли бы утверждать это, если бы они не употребляли так много латинских и греческих имен и слов. Поэтому книги Авиценны, Разеса (ар-Рази) и Аверроэса (Ибн Рушда) были приняты как раз с тем же самым авторитетом, что и книги Гиппократ и Галена, и получили такое большое доверие, что тот, кто осмеливается лечить, не пользуясь ими, о том легко можно сказать, что он разрушает общее благополучие».

Но это не было мнением всех. Якобы впервые проведенная в 1552 году французским хирургом Амбрузом Паре перевязка больших кровеносных сосудов, которую араб Абуль Касим сделал за 600 лет до него, носит, тем не менее, с тех времен имя француза как автора. Великий андалузский хирург Абуль Касим (умер в 1013 году), современник Оттона III, был особенно популярен как учитель западноевропейских врачей, и его открытия часто приписывались другим. Внедренное им висячее положение роженицы при хирургических вмешательствах во время родов (лежа на спине со свисающими вниз ногами) называется примерно с 1900 года по имени штутгартского гинеколога доктора Вальхера (1856-1935) «положением Вальхера». Рекомендованное Абуль Касимом при оперативных вмешательствах ниже высоты пупа высокое положение таза и ног называется «положением Тренделенбурга» по имени немецкого хирурга Фридриха Тренделенбурга (1844-1924). Диагностированные Абуль Касимом, которого на Западе называли Абулькасис, заболевания суставов и позвоночника вошли в историю медицины как «болезнь Потта», по имени англичанина Персиваля Потта (1713-1788). Славу открытия кровообращения делят в Европе испанец Мигель Сервет (1553) и англичанин Уильям Харви (1616), но и это тоже подлог подлинного авторства. Живший во втором столетии в Риме врач Гален, общепризнанный и наивысший медицинский авторитет для всего средневековья, учил, что очищенная в правом желудочке сердца кровь через поры в сердечной перегородке попадает в левый желудочек. Это была фундаментальная

ошибка, которую первым увидел и опроверг практикующий в 1260-1288 годах в Каире главный врач больницы Насири Ибн ан-Нафис из Дамаска. Он первым исследует и описывает то, «что доказывает вскрытие», *кровообращение* вплоть до деталей. И испанец Мигель Сервет (1511-1553) описывает его с теми же словами через триста лет после Ибн ан-Нафиса в своем объемном, критическом произведении «Восстановление христианства», «De Restitutione de Christianisme», чисто теоретически и как таким способом кровь как носитель души циркулирует по телу. Случайное совпадение или присвоение чужой интеллектуальной собственности? Как испанцу, занимавшемуся арабскими исследованиями, также в сфере медицины, ему мог быть знаком комментарий Ибн ан-Нафиса к анатомии «Канона» Авиценны, который еще сегодня хранится в Эскориале близ Мадрида.

Это был еретический дух Сервета, который восстал для страстной критики христианства. Из-за поддержки Кальвином обвинения Сервет был посажен в тюрьму в самых жутких условиях, после чего он был приговорен к смерти и сожжен на костре в Женеве. Тем больше бросается в глаза его краткий и бесстрастный набросок малого круга кровообращения, который не называет ни его источника, не говорит вообще ни слова о Галене или против его теории пор в сердечной перегородке, о которой Сервет, вероятно, совсем ничего не знал.

Уже одно это, собственно, должно было бы заставить задуматься восторженных панегиристов его мнимой роли первооткрывателя. Только арабский земляк кирского врача ат-Татави как докторант во Фрайбургском университете натолкнулся в 1924 году на Ибн ан-Нафиса как на автора того открытия малого круга кровообращения.

Плагиатом в крупном масштабе планомерно занимался родившийся в Карфагене христианин Константин Африканский, который как торговец лечебными снадобьями в своих путешествиях вокруг Средиземного моря посещал руководимую группой врачей разных национальностей медицинскую школу близ Салерно. Здесь ему в голову пришла идея уравновесить вопиющий контраст между уровнем медицинских знаний «франков» и арабских оплотов медицинских знаний и искусства врачевания. По прошествии некоторого времени, необходимого для подготовки его проекта, он возвращается в Салерно, неся под рукой толстую пачку книг. Здесь он развивает оживленную и максимально плодотворную деятельность, которую он, чтобы работать безмятежно, вскоре переносит в монастырь Монтекассино. И в то время как одна книга за другой появляется из-под его неутомимого пера, не упуская из виду ни одну область медицины, и поток драгоценных знаний проливается вниз с горы как водопад озарений на врачей

Салерно, возрастает уважение к Константину, растет его слава мэтра, его репутация. Какой великий ум!

Только через сорок лет выясняется, что великий мудрец из Монтекассино был не кем иным, как ловким торговцем. То здесь, то там один знаток за другим узнает в его работах произведение того или другого знаменитого арабского автора, на месте которого коммивояжер из Карфагена хотел обессмертить самого себя.

Еще до самого недавнего времени Запад изо всех сил отбивался от признания арабского авторства. В 1920-х годах разразился сильный шторм в области литературоведения. Конрад Бурдах, большой специалист по средневековой поэзии, выдающийся знаток эпохи миннезанга, внезапно вызывает на себя настоящий ураган возбужденной критики и возражений своей гипотезой об арабском происхождении провансальского и немецкого куртуазного миннезанга. Быть обязанным такой ценностью именно арабам, все же, это нельзя было просто так оставить. От поэзии вагантов якобы отпочковалась особенная ветвь – античность якобы снова проснулась в своем позднем вечернем блеске. Особенно Овидий, мол, со своей «Ars amatoria» предоставил в распоряжение темы и тон своего игривого искусства любви. Или, вероятно, воспевающая деву Марию поэзия нашла свою придворную имитацию в светской любовной поэзии... Вплоть до оценки диссертации автора этой книги о воздействии чужих образцов, показанных, среди прочего, в арабском и немецком миннезанге, этот спор продолжался. Случайно диссертация была представлена содокладчику, который был сторонником тезиса об Овидии, в то время как докладчик, первоклассный знаток арабской культуры и ее людей, посчитал доказательства арабского происхождения убедительными.

ГЛАВА VI

Упадок культуры вследствие иностранного влияния

Турки

Не только с оттеснением арабского преобладания и смешиванием слоя арабских завоевателей с местным населением в каждой покоренной арабами стране, скорее – и даже в первую очередь – с проникновением чужих народностей, тем более, вследствие иноплеменного господства многие черты арабской исламской культуры потеряли свое первоначальное, специфически арабское своеобразие. Вторжения монголов больше разрушали культуру, чем отчуждали культуру.

Иначе обстояло дело с азиатскими тюркскими племенами и их тянувшимся столетиями просачиванием сначала в качестве рабов в дворцовую гвардию халифов, чтобы со временем присвоить власть и даже стать правителями, как мамелюки в Египте с 1250 по 1584.

С нападением сельджуков и основания ими государства наступило турецкое вторжение с последующим основанием великой Османской империи. Эта империя, однако, со своими завоеваниями в Южной Европе и наступлением до Вены, а также с распространением ее господства над арабскими странами с помощью резни и беспощадного ведения войны, тем не менее, ни в коем случае не может рассматриваться как характерный пример исламского вероучения и моральных представлений: как один египетский мусульманин очень решительно выступает против подозрительной поверхностности некоторых европейских историков. Правление мамлюков, как и османское время – это *«самая темная эпоха исламского декаданса и вырождения, самое темное время для исламской культуры, когда практиковалось угнетение не только представителей других религий, но, прежде всего, также самого мусульманского населения и во всех исламских областях»*.

«Самое темное время» также для исламской культуры! Турецкий дух настолько чужд арабскому духу и обладает такой принципиально иной структурой сознания, как будто бы он здесь надел пару сапог, которые совсем по-другому сшиты в носке и на пятках, так что он едва ли мог ходить в них. Не только, что эти «происходящие от азиатских тюркских племен османы приняли ислам лишь формально, без достаточного понимания его содержания и послания и морального духа этой религии».

Под обледеневшим замороженным потолком этого чужого, направленного на совсем другие цели духа остановилась и застыла духовная жизнь, религия, зачахла и окостенела в жесткой ортодоксии и законоведении. Прежде цветущая арабская культура засыхала и вяла, ее поле оставалось невозделанным и нетворческим. Только арабское движение ваххабитов в королевстве Саудовская Аравия боролось за очищение и восстановление ислама.

Между тем европейский колониализм Франции, Великобритании и Италии принес дальнейшую отчужденность арабского и исламского духа. Лишь с помощью развившегося в народах сопротивления и освобождения и преодоления колониализма арабский мир, пусть даже различными способами и в разной степени, снова нашел самого себя и вернулся к своей собственной идентичности.

Как свидетельство возродившейся, очень стихийной арабской исламской терпимости в первоначальном духе по окончании столетий нетерпимости и подавления ислама здесь можно привести письмо короля Марокко Хасана II, «Служителя бога и эмира верующих», папе Иоанну Павлу II от 30 декабря 1983:

«Блаженный отец, прославленный друг!

Католическая церковь и далее может публично и свободно развивать в Королевстве Марокко свою деятельность, особенно культ, образование, внутреннюю юрисдикцию, благотворительность среди ее верующих и религиозное обучение...

Священники, члены монашеских орденов – и – равноправные с ними, которые исполняют свою деятельность в учреждениях церкви – включая социальные и воспитательные учреждения – не будут платить никаких налогов, так как они не получают жалование».

В конце письма король ссылается на «дух максимальной терпимости, который представляет ислам».

Не все исламское – арабское

Персы

Для многих, которые имеют дело с арабским исламским миром только мимоходом, не зная подробностей, нужно во избежание неправильных оценок и иных ошибок пояснить: Не все, что исламское, является арабским. Мы только что встретили – не арабских – турок как представителей ислама в их роли носителей Османской империи, которые со времен Кемаля Ататюрка 60 лет назад изгнанные из публичной, чуждой религии, секуляризованной жизни, стремятся, особенно среди иностранных рабочих, к бурной реисламизации.

Но также и все, что относится к Ирану, большинство людей считает арабским, чему у поверхностного потребителя новостей способствует путаница похоже звучащих имен «Иран» и «Ирак», а также совпадения в одежде и религии. То, что население Ирана – это не арабы, а персы, многие не осознают. Это огромное этническое различие, которое даже внешне уже заметно по разному типу фигуры и чертам лица, проявляется в разных «конфессиональных» направлениях, прежде всего, в языке и в многочисленных, совсем разных взглядах и моделях поведения, как в положении женщины или роли аятолл и мулл и т.д.

Арабский духовный мир в его великую эпоху определялся такой увлекающей, захватывающей творческой динамикой, что национальные и этнические особенности внутри гигантской империи расплавились в исламском общем деле как в культурном единстве. Это был оживляющий все, формирующий все мышление арабский язык – одновременно «классический арабский язык» и язык бедуинов – который как священный, непревзойденный по ясности, красоте, силе излучения и необъяснимости поэтический язык Корана обладал такой творческой силой, что такие урожденные персы как Ибн Сина и ар-Рази в полной мере причисляются к арабской культуре и с многочисленными персидскими земляками сделали великолепный вклад в арабскую культуру арабского стиля и мышления. Каждый мусульманин владел арабским языком уже как приверженец ислама. Арабский язык был языком религии, языком общения, образования, управления, общеарабской поэзии и науки просто на основе ее специфической структуры мышления. Говорить по-арабски означало также думать по-арабски. С разрушением власти халифата в Багдаде и упадком империи халифов, в особенности при вторжении чужеземных завоевателей в тогда еще тоже суннитскую Персию – в первую очередь монголов, а также грузин и турок-османов – персам и в языковом отношении тоже перерезали пуповину, соединяющую их с арабской империей, в зависимости от которой Персия претерпела девятьсот лет самоотчуждения и потери идентичности.

Против преобладания арабов уже в одиннадцатом веке начались происки революционно настроенных шиитских сект, которые наполняли ужасом правительство в Багдаде и всю страну. «Шиа», т.е. «приверженцы» – это исламская «партия», которая признает преемником пророка только Али, зятя Мухаммеда, тогда как «сунниты», к которым причисляют себя 90% мусульман, признают традицию пророка. Среди шиитских сект особенно выделялся антигосударственный орден под руководством фанатика Хасана ибн ас-Саббаха. В северно-персидской горной крепости Аламут, «Орлином гнезде», на высоте 3000 метров в горах Эльбурс, ас-Саббах готовил своих так называемых «ассасинов», что значит «едящие гашиш», обучая их для якобы угодных богу убийств и покушений на «врагов истинной веры». После той прелюдии персидская земля еще часто впитывала в себя кровь, пролитую ради «истинной веры». Одно персидское ответвление тиранило крестоносцев под руководством Синаха, «шейха аль-Джебель», что значит «повелителя гор», который на Западе стал печально известен как «Старец с горы».

С 1500 года персидский семейный клан Сефевидов, который принадлежал к шиитам, привел преимущественно суннитских персов через вынужденную смену вероисповедания к принятию шиизма как новой государственной религии ставшей вместе с тем также религиозно независимой от арабского мира Персии. С

растущей внутренней самостоятельностью вернулась также долгое время утраченная самоидентичность персов, хотя ислам оставался персидски окрашенной связью с арабским миром. То, что «нет принуждения в религии», как предписывал верующим Аллах в Коране, здесь не обладало большой убедительной силой. Властитель из династии Сефевидов, который взлетел до шаха Персии, не особо раздумывая, насильно и под угрозой насилия принудил несколько сотен тысяч подданных к смене вероисповедания и к убеждению в том, что их правитель принадлежал к избранной Аллахом семье пророка – если они не хотели объявить себя врагом Аллаха и лишиться своей жизни.

То, что, однако, даже подчеркнуто терпимая, с высоким уровнем морали и социального сознания, связывающая людей в истинной человечности религия не смогла спасти своих провозвестников и приверженцев от преисполненных жестокости персидских фанатиков и стоила жизни многим тысячам людей, показывают потрясающие судьбы вышедшего из шиизма двадцатичетырехлетнего перса Сейида Али Мухаммада, названного «Баб», «Ворота», который как наследник Мухаммеда и воплощение откровения Аллаха со своими многочисленными приверженцами подвергался жестоким преследованиям и был казнен в тридцатилетнем возрасте в 1850 году, и его еще намного превосходящего его ученика Бахауллы, т.е. «слава бога, сияние бога». Будучи заключенным в «Черной дыре», наихудшей тюрьме Тегерана, Бахаулла в 1852-1853 годах превратился в независимого основателя религии. После освобождения его выслали в Багдад, который принадлежал тогда Османской империи. Более тысячи его верующих бегством ускользнули от преследований жестокости своей родины, последовав за ним в ссылку. Однако и там уже османская нетерпимость снова преследовала их вместе с самим Бахауллой, ссылала и опять бросала в тюрьмы. Бахаулла умер в 1892 году как снова свободный человек недалеко от Акки в тогдашней Палестине.

Самую благородную, открытую для всего мира терпимость должна была ожидать в Персии, тем не менее, только самая жестокая нетерпимость. В то время как религия Бахаи распространялась во всем мире и нашла большее распространение, чем ограниченная только Ираном и частью арабского Ирака шиитская вера, много тысяч ее приверженцев в Персии пали жертвой крайней нетерпимости фанатичных религиозных ревнителей. Часть этих людей казнили ужасной казнью – сажанием на кол. Здесь снова пробивалось специфически хурритское поведение и образ мыслей иранских горных народов, которые уже три тысячи лет назад в нескольких волнах разлились через Переднюю Азию и со своими древнейшими дуалистическими структурами мышления также в писаниях Ветхого завета нашли свое выражение, очевидное для нас еще сегодня.

Это четко проявилось, к примеру, в зияющем разрыве сущности между богом и человеком, властителем и подданным как в древнеперсидском обычае в знак почтения падать в ноги перед божеством или монархом, проскинезе, поклоне до земли с целованием ноги, а также между мужчиной, который только один обладает правами человека, и грешной, во всем подчиненной мужчине женщиной, история творения которой отделена от истории творения мужчины – как персидский реформатор Али Шариати упрекает мир персидских мужчин.

Из Персии пришла в исламский мир паранджа. Персидские вторые жены халифа принесли с собой во двор Багдада обычай сокрытия женского лица под платком. Это стало придворной модой и, как образец для аристократических горожанок, внедрилось в качестве модного атрибута в арабский женский мир. Только по приказу полностью находящегося под персидским влиянием, слабого и ханжеского халифа Аль-Кадира Биллаха в 1000 году, а также еще душевнобольного, крайне пуританского Аль-Хакима II в Каире ношение паранджи приобрело роковой престиж якобы предписанного Кораном обязательного для всех женщин правила.

Предубеждение, от которого арабские мусульманки освободились только в двадцатом столетии, и для которого нет никакого повода в исламском законе. Исламский закон требовал в равной степени и с одними и теми же словами и от «верующих мужчин», и от «верующих женщин», «чтобы они опускали свои взгляды к земле и хранили свое целомудрие». И, обратившись к женщинам, он еще добавлял, чтобы они не выставляли напоказ «свои прелести, кроме того, что по необходимости должно быть видно», и «своей чадрой прикрывали грудь и не открывали свои прелести ни перед кем, кроме как перед своими супругами и отцами». Где начинались женские прелести, которые нельзя было открывать? Закон говорил о груди. Столетиями законом считалось то, что ханжеские халифы и ортодоксальные теологи потребовали от женщин, одновременно сослав их в гарем после персидско-византийского отделения от мира мужчин. Это унижение происходило из того же источника, что и воспитание послушания христианских женщин в Западной Европе, которые научились понимать себя как грешницы, из-за чего они должны были покоряться воле своего мужа. Тогда как нефальсифицированный ислам, который в противоположность Персии, не мыслил дуалистически, считает Еву и женский пол так же, как и мужчину, вообще свободными от прегрешения и первородного греха.

Так сегодня Иран, вопреки своему шиитскому господству, которое он в своей склонности к радикализации осуществляет путем фундаментализма, возвратился к категорическому требованию «отделения женщин от мужчин», как аятолла Хомейни определил еще в Париже.

И как тысячу лет назад паранджа из Персии послужила отчуждению исламского мира, так и Хомейни в Тегеране своим указом, предписывающим женщинам скрывать все тело за черной чадрой и покрывать головы платком во время работы и в общественных местах, предал их проклятию, превратив в средневековых, безутешных и оторванных от жизни печальных существ, похожих не на людей, а на больших черных птиц. И в третий раз диктат к унижению женщин со стороны персидского духа вместе с его нетерпимым фундаментализмом охватывает все страны исламского мира.

Изоляция или партнерство между Востоком и Западом?

Самое позднее, осенью 1973 года нефтяной кризис наглядно показал Западу, что арабский мир и Европа фатальным образом связаны друг с другом. Внезапно, как будто за одну ночь, стало ясно, каким надменным и примитивным было невежество, с которым подавляющее большинство считающих себя образованными жителей Центральной Европы привыкло смотреть на арабов сверху вниз как на «оборванных пастухов» и «погонщиков верблюдов». Вместо этого опустевшее место в их фантазии заняли теперь карикатуры на жирных, украшенных перстнями с бриллиантами «нефтяных шейхов», которые развлекались в сказочных дворцах со своим гаремом и жестоко поднимали цену на бензин до заоблачных высот. Тогда как на самом деле арабская доля по сравнению с очень увеличившимися издержками производства в соответствии с возросшими государственными налогами поднялась только в очень скромной степени. То, что за фантомом таких «нефтяных шейхов» выглядывало аскетически тонкое с крутой складкой между бровями лицо полковника Каддафи или привлекательная улыбка умного, элегантного, одетого то по-европейски, то в традиционную джеллабу кочевого племени саудовского министра нефти Джамали, едва ли что-то изменило в по-прежнему воспринимаемом с неодобрением образе «нефтяных шейхов». При этом эти шейхи создали для своих народов систему неповторимо высокого социального обеспечения.

Иначе поступают преодолевающие евроцентризм, более отзывчивые, заинтересованные, открывающие себя всемирным процессам круги европейских политиков и экономистов. Снова после кризиса в 1960-х годах проснулась память о старой дружбе между немецкими правителями и арабскими князьями и вождями. И ни один немецкий федеральный президент или представитель государства в своих застольных речах и в обращениях не забывал воздать должное высоким арабским гостям благодарным указанием на когда-то полученные от их предков духовные дары, которые солнце Аллаха принесло Западу в таком изобилии.

Дружба, даже сердечные отношения на уровне высокой политики и дипломатии снова характеризуют общение между Германией и арабскими государствами.

Когда, освободившись от многовекового давления колониализма – османского турецкого и европейского – в лице французов, англичан и итальянцев, различные арабские страны столкнулись с требованиями высокоразвитой в промышленном и техническом отношении современности, они выбрали различные пути, чтобы выстоять и закрепиться в современном мире.

Что, казалось, было бы более естественным, чем въехать в дома уехавших колонизаторских народов, перенять их образ жизни, их техническую цивилизацию, подражать доказавшим свою успешность бывшим господам, жить и думать как они, перенять их привычки, достижения и идеалы, и стать такими же европейскими как европейцы, такими же американскими как американцы, такими же русскими как жители СССР? Против этой новой опасности, которая после внешнего освобождения легкомысленно теряет внутреннее освобождение, поднялись – разные ввиду индивидуального исторического прошлого и тяжести проникновения чуждых влияний – силы, которые отвергли простую имитацию чужого модерна.

«Чтобы строить будущее», как сказал алжирский президент Хуари Бумедьен в годовщину освобождения, «мы должны вернуться к нашим истокам и найти нашу собственную личность. Мы должны укреплять наши корни, чтобы, выйдя из-под одного чужого влияния, не попасть под другое».

«Истоки», «корни», к которым должен вновь вернуться арабский мир, «чтобы двигаться дальше», это то, что я объясняла на многих лекциях во всем Магрибе:

1. Арабский язык, который, например, в Алжире за 130 лет вообще был почти полностью заменен французским языком, как ключ к их собственному духовному миру;

2. Религия как определяющий всё центр их существования в любом отношении, ислам, очищенный от его неисламских составных частей, который открыт миру и ни в коем случае не противоречит духовной эволюции. «Потому что», как объясняет философ Мухаммед Азиз Лахбаби в Рабате, «мусульманин активно действует для бога, если он активно действует на пользу людям. Мусульманская вера это Шахада и Амаль, *свидетельство и активное действие для мира, и это значит – для бога – обязательство всего бытия человека, который в высшей степени лично ответственен за свои действия*».

Духовное возвращение к собственной идентичности требует:

3. Духовное возвращение к полностью забытому духовному прошлому требует понять условия его подъема, его величия, но также и причины его упадка, и извлечь из этого уроки на будущее. Потому что когда-то арабы уже стояли в самом начале посреди превосходящих их культур. Они схватили от них то чужое, что казалось им жизненно необходимым, но без рабского подражательства, и на его основе продолжали строить *своим* способом, средствами *своих* специальных талантов и разрабатывали при этом свои собственные методы. Так они стали способны создавать свое собственное и новое высокого уровня.

Все же, одним заклинанием славного прошлого успеха не добиться. Кичиться великой эпохой арабской истории – это не должно стать ни бегством от современности, ни отговоркой, которой можно уже довольствоваться, и которая только питает гордость без обязательства извлекать из нее уроки для будущего. Так как не только из причин культурного процветания можно извлечь уроки, но и из причин его увядания, чтобы избежать опасностей, которые привели к упадку. Опасность лежит как в изоляции, так и в лишенной всякой сплоченности открытости вплоть до широкомасштабного проникновения чужих влияний. Любая односторонность опасна для жизни. После первой фазы деколонизации, которая на всех уровнях следовала западным образцам и русским идеологиям, уже скоро как ответная реакция возникли недоверие и враждебность ко всему чужому, особенно направленная против всего «западного», что было связано с оживлением и возрождением ислама.

В этом развивающемся «ренессансе ислама» рука об руку с очень динамичным вследствие палестинского вопроса арабизмом разорвался агрессивный фундаментализм Хомейни как новая волна крайне пуританского, крайне нетерпимого фанатизма персов-шиитов, которая уже размывает все арабские государства и затягивает их «в свой иррациональный водоворот». Со своей очень неисламской нетерпимостью он еще радикальнее выступает против запада. Но любая исключительность угрожает жизни.

Тем не менее, в длительной перспективе вопрос вместо нетерпимого «либо изоляция – либо открытость», «либо традиция – либо прогресс» может быть только терпимым «и так, и так». Нужны и умеренное, основанное на уверенности в себе, укорененное в собственной сущности отталкивание чуждого и открытость к процессам развития в современном мире, чтобы подхватить их своим собственным творческим духом, вдохнуть в них собственную душу и оживить их собственным дыханием.

Один пример среди многих других представляет собой изначальная страна происхождения арабов, их метрополия – сегодняшнее королевство Саудовская Аравия.

Маленький принц и космос

«Некоторые все еще думают», посол Аббас Файг Газзави, представляющий королевство Саудовская Аравия в Бонне, защищается от окостеневших предубеждений о его народе и стране, с которыми он все еще сталкивается со стороны травматически слепых европейцев, «что это страна пустыни, нефти, оазисов, бедуинов, верблюдов и палаток». В действительности арабы в строительстве дорог, жилых домов, больниц, мечетей и университетов, портовых сооружений и оросительных установок, в социальном обеспечении, в исследовании и науке начали новые разработки на высоком уровне. При этом современная Саудовская Аравия, с которой также Федеративная Республика совместно разрабатывает новые многообещающие технологии будущего, играет значительную роль.

Ведь ни один народ не зависел издревле так сильно от наблюдения за небесными телами как блуждающие арабы, которые на просторах пустыни, после заката солнца, видели темное небо над собой как «шатер», и по его светящимся точкам определяли направление своих путей в ночной прохладе, места своих стад, прохождение ночных часов и возвращение дня. Ярко сверкающим из необъяснимой черноты в сухом пустынном воздухе звездам их бедуинская фантазия давала имена, которые еще сегодня как Ригель, Вега, Альдебаран, Бетельгейзе, Альтаир и так далее служат нашим астрономам как названия неподвижных звезд. Если в центре внимания других народов в их обращении с небесными телами находилось *толкование звезд*, то арабы были первыми, кто создавал большие обсерватории с целью *астрономических исследований* и измерений.

В умном планировании они построили первую обсерваторию такого рода в высокорасположенном районе Багдада у ворот Шамасия примерно в 830 году при халифе аль-Мамуне во времена императора Людовика Благочестивого. Сразу же после этого у моста через реку Тигр близ «Ворот короны» построили вторую, как и недалеко от Багдада в Самарре, летней резиденции халифа, но также и в Дамаске. Затем свои обсерватории создали халифы династии Фатимидов в Каире – и это было только началом цепочки все более новых, лучших, усовершенствованных обсерваторий. И тот, кто в путешествии, без призывающего к молитве муэдзина, хотел исполнять культовые обязанности ежедневной пятикратной молитвы в направлении Мекки, сам должен был быть маленьким астроно-

мом, который мог спросить у астролога как у карманных часов о времени и месте молитвы.

Как в Эр-Рияде в Саудовской Аравии маленькому принцу Султану ибн Салману с детства должно было быть глубоко знакомо общение с космосом, чтобы оно стало для него смыслом жизни. В 1985 году мечта принца исполнилась: как первый арабский астронавт он полетел в космос на американском космическом корабле «Discovery» типа «Спейс Шаттл». Принц-астронавт сам доставил на орбиту спутник связи арабской системы космической связи ARABSAT, после того, как еще раньше первый спутник ARABSAT был запущен в космическое пространство европейской ракетой «Ariane». Теперь в общей сложности двадцать два государства Арабской лиги связаны друг с другом как телефонной спутниковой связью, так и телевидением и компьютерной связью. Принц использовал этот полет «космического челнока» также для съемок из космоса запасов воды и месторождений полезных ископаемых в пустыне.

В его лице воплощается исключительно живая активность Саудовского королевства в связанных с Землей прикладных астрономических исследованиях, а также в исследованиях космического пространства, в университетах, в подготовке ученых для анализа результатов исследований, путем посещения всех конференций по мирному использованию космоса для человечества, и в целях непосредственного использования для своей страны собственной космической станции и через сотрудничество с другими космическими державами. В этом саудовском принце показательно соединяются традиция и прогресс. Одна из фотографий принца изображает его как астронавта перед полетом «Шаттла» между зеленым знаменем его королевства со словами Корана «Нет иного Бога кроме Аллаха» и американским флагом с его «звездами и полосами».

Недостаточное самоуважение усиливает враждебность к «Западу»

В эти дни, когда авиаэскадры транспортных самолетов Соединенных Штатов ежедневно перебрасывают войска в пустыню для защиты Саудовской Аравии и стран Персидского залива, и по причине нападения Саддама Хусейна на Кувейт намечается раскол в арабских государствах на враждебность и сдержанность, становится ясно, что не только христианский Запад перенес тяжелую травму, но и арабский мир претерпел значительный душевный ущерб, а именно из-за европейского колониализма. Но если Запад позор своего *поражения* вопреки приписанной ему со стороны римских пап «избранности» и чувству стыда после осознания своей собственной культурной отсталости компенсировал затем поистине необоснованным *высокомерием* и равнодушным *невежеством* по отноше-

нию к значительно превосходящему его в духовном и культурном, техническом и цивилизаторском отношении арабскому миру, то арабский мир ведет себя прямо противоположным образом.

Основательно изгнанная иностранным господством, снова обретенная через оживление ислама и – как в Алжире – даже арабского языка *самоидентичность* и усиливающаяся благодаря гордости за забытые и снова освещенные «Солнцем Аллаха» великие достижения своего прошлого *уверенность в себе*, тем не менее, с трудом утверждаются в их прогрессивном, современном, техническом мире.

Этим недостаточным самоуважением объясняется распространяющаяся, да еще и сильно подпитываемая пропагандой Хомейни враждебность к «Западу», который для них охватывает всю Европу, США, частично также Россию. Это позволяет Хусейну вопреки его безразличию к религии представлять вмешательство «Запада» в исламский мир как нападение на «Умму», «общность мусульман». Следовательно, оккупация Кувейта считается теперь *внутриарабским* делом, которое ни в коем случае не оправдывает иностранную интервенцию, из-за чего он мог объявить «Священную войну». Ко всему, однако, еще и это: брать иностранных женщин и детей в заложники! Использовать их мужей как защитный щит от авианалетов на военные объекты! Последнее издевательство над арабским рыцарским благородством Саладина, Аль-Камиля среди бесчисленных других, которые немец из Кёльна, после убийства крестоносцами, подстрекаемыми папским легатом, женщин, детей, стариков в Дамьетте, спасенный от плена и голода, благодарил такими словами: «Ты был для нас не тираном, а отцом в твоих благодеяниях, помощником во всех опасностях, когда мы, все же, находились в твоей власти!»

«Арабская» травма мобилизует снова

Теперь травма, которую христианский Запад за несколькими счастливыми исключениями почти тысячу лет поддерживал по отношению к *арабам*, в общем и целом, в неизменном виде, с возбужденной нетерпимостью переносится на турок. Как живущие вместе в маленьких группах иностранные рабочие и беженцы они вызвали скорее нечуткую, лишенную понимания реакцию со стороны принимающих стран: требование ассимилироваться с народами, среди которых они живут, постепенно перенять их язык и обычаи, уподобиться им в воспитании детей, одежде и образе жизни и раствориться в народе, на землю которого они приехали, вплоть до полной интеграции. Путь, который положительно воспринимают очень немногие. Этому пути противостоит желание большинства турок

сохранить свою культурную и свою религиозную самобытность, так, чтобы они и их дети могли оставаться и в чужой стране самими собой и «среди своих», могли собираться в своих скромных мечетях для обучения, молитв и бесед, и чтобы народ, среди которого они живут, воспринимал их как религиозно равноправное меньшинство и позволил им жить так, как они хотят. Да, они даже хотят по возможности организовать свою партию.

Между тем, среди местного населения есть оппозиция, которая принципиально отвергает иностранцев. Чтобы из-за политической полемики не стать непопулярной как ксенофобская, эта оппозиция берет на мушку вместо турок ислам и ведет, используя все имеющиеся в распоряжении предубеждения пропаганды ужасов, подразумевая, но не называя турок, крестовый поход против «неизменно агрессивной» *арабской* религии, против *арабского* пророка Мухаммеда, который якобы объявил себя призванным *уничтожить неверие мечом*, – крестовый поход по лекционным залам. Здесь, кажется, долгое время спавшая арабская травма, разбуженная иррациональным страхом, снова оживает и мобилизует. Здесь заново полируются все, казалось бы, давно заржавевшие формулы древней пропаганды ужасов. Раздражение, которое вызывает старая неприязнь к исламу, доходит до того, чтобы призвать Запад «к сопротивлению» против этой «грозной опасности» – может показаться, что вы переместились в прошлое, в Клермон в момент призыва папы Урбана II к крестовому походу против новой турецкой опасности – «в который находится Западная Европа» ввиду «агрессивной агитации чужеземцев», и против оказываемого ими «влияния на неверных»! Хотя никто не угрожает ни их телу, ни их душе, не говоря уже о том, что какой-то мусульманин намеревается когда-нибудь «обратить» их в ислам!

Руководитель Исламского центра в Ахене, египетский врач доктор Надим Элиас, настойчиво объясняет: «В соответствии со стихом Корана «Нет принуждения в религии» (2/256) ислам не знает миссионерства, которое приводит людей в материальное или душевное стесненное положение, и которое без их собственного глубокого убеждения подталкивает их к переходу в ислам. Призвание каждого мусульманина состоит лишь в том, чтобы *воплощать* ислам словом и делом, оповещать этим о нем, чтобы уменьшать количество предубеждений против него и, таким образом, «приглашать» к исламу».

Если сегодня уже ввиду того призыва к «крестовому походу» – снова как в Клермоне вместо турок – опять в самом черном свете представляют *арабов* и снова лживо делают из них агрессоров, то, однако, наступает наилучшее время, чтобы раз и навсегда окончательно отказаться от западной надменности и нетерпимости, чтобы увидеть в той позорной стене, которую травма соорудила

против них, продукт высокомерия и нетерпимости, и сломать ее, чтобы через девятьсот лет после того рокового воззвания к «избранному народу» воспринимать эту, пожалуй, самую терпимую религию на Земле непредвзято и не очерненную дискриминирующими предубеждениями, фальсификациями истории и простой некомпетентностью, как партнеров и друзей с правом быть самими собой.

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»



Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).